

84Р6К
К56

ВИКТОР
КОВРИЖНЫХ

ЧЕРЁМУХОВЫЙ
СПАС

Читательям Ленинск-Кузнец-
кой библиотеки и и. и. К. Крушев.
— На память о встрече в
"Камешной зале"
— друзей и благодарности!
С уважением, В. В. В.
16.11.19.

84РБК
К56

ВИКТОР КОВРИЖНЫХ

ЧЕРЁМУХОВЫЙ СПАС

Красноярск 2019

ББК 84 (2Рос=Рус)-5

К 56

108447(1)

Для оформления книги использованы
рисунки Галины Вербицкой

АВТОР ВЫРАЖАЕТ СЕРДЕЧНУЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ
СВОЕМУ ДРУГУ СЕРГЕЮ ПРОНИНУ
ЗА ФИНАНСОВУЮ ПОДДЕРЖКУ В ИЗДАНИИ ЭТОЙ КНИГИ.

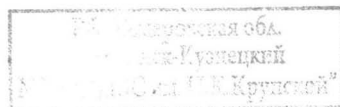
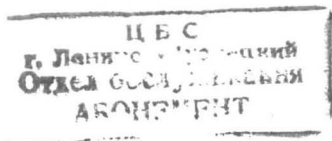
Редактор: Михаил Стрельцов
Верстка: Сергей Рубаненко

К 56 Коврижных Виктор. Черёмуховый спас :
стихотворения / В.А. Коврижных. – Красноярск :
Литера-принт, 2019. – 176 с.

ISBN 978-5-907232-17-4

© Коврижных В.А., 2019

Дорога, по которой идёт Виктор Коврижных находится далеко в стороне от, так называемого, мейстрима современной поэзии и не сулит сиюминутной громкой славы, но выбрана она осознано, и выбрана сердцем, а не рассудком. Так что же удерживает поэта на этой дороге? Мне кажется любовь к родным местам и совесть. Он пишет о своих земляках, о природе родного края. А кто же, если не он, правдиво напишет об этом? Русская провинция, это, в основном, рабочий люд, ему и доверяет поэт Виктор Коврижных место главного героя.

В своё время стихи на «рабочую тематику» охотно (в строгих идеологических рамках) печатали наши издатели. Случалось, что они открывали интересного автора. Например, шахтёр Николай Анциферов – «Я работаю, как вельможа, / я работаю только лежа...» Но эти находки заглушались барабанными строками типа: «Сто сорок, токари, даёшь? / Даёшь! – сказала молодёжь...» Подобная трескотня быстро отвалила читателя от такой поэзии. Но, если вдуматься, работа занимает самое важное (пусть и не всегда приятное) место в жизни человека, и не где-нибудь, а в работе проявляются все лучшие (и худшие) наши качества. Это очень выпукло

Виктор Коврижных

показано в ёмком психологическом стихотворении Коврижных «Жестокость». В коротком стихотворении, которое иной автор раздул бы до поэмы, вместился и чётко прорисованный процесс работы, и сшибка характеров. Один – против бригады, бригада – против одного. Картина живая и достоверная, пронизанная психологическим драматизмом:

«К нам в конце смены начальство пришло –
Сход по второму отвалу.
Нужны добровольцы растаскивать шпалы,
И выправить путь... Тяжело
Молчала бригада: кому в огород,
Кому на рыбалку, к теще.
И тот, что был слева, вдруг вышел вперёд
Маленький, тихий, тощий.
И встал бригадир. И сказал бригадир,
Вздыхнув тяжело и с досадой:
– Пошли, мужики, что он сможет один.
Поможем начальству, как надо...
И взглядом угрюмым качнул смельчака...

— — — —

... Нам бы только начать, а потом – ничего!
Мы втянулись и кровь взыграла.
Но тому, кто стал первым, было всё ж нелегко
Клещами выдёргивать шпалы.

Он уже изнемог и надсадно дышал,
Но бросался в работу смело.
В хлипком теле его клокотала душа,
Что дрожало струной его тело.
Нам бы передохнуть, хоть бы по одному –
Но у нас с дисциплиной - строго!
Мы жестоким усердием мстили ему,
Чтоб не брал на себя слишком много...»

Точность – главное и важнейшее качество его производственной лирики. Именно лирики, я не оговорился, потому что стихи эти, прежде всего, потребность его души. Он знает о чём пишет, знает, как скрипят болты при протяжке гаек на железнодорожных путях и как греет эти гайки тугая резьба. А знает потому, что сам крутил эти гайки. Сам разогревал капризный дизель в тридцатиградусный мороз. Кстати, детально прописанное «укрощение» дизеля нисколько не утомляет. Автору хватает чутья скрасить длинное стихотворение самоиронией. Богатый жизненный опыт спасают его от главного врага литературы – приблизительности. И даже явные эмоциональные пережжёты здесь не выглядят недостатком, но становятся его противоположностью:

Виктор Коврижных

«... Провернулся. Ещё раз – спокойней!
Зарычал веселей, веселей!..
Как прекрасно поёшь, дорогой мой,
Ах ты Лемешев мой, соловей!
Рассветало. Растаяли звёзды.
Я блаженствую в едком дыму.
По улыбке сползают слёзы.
Отчего – не пойму.»

Не менее важна для Коврижных и тема родной деревни Старобачаты. Здесь особенно ярко и во всей полноте проявился его лиризм. Подкупающий своей искренностью и проникновенностью. Не только выразительная описательность проявляется в его лирике, но обозначен лирический образ героя склонный к сентиментальности. И это вовсе не недостаток, как сочтут эстеты брутального толка, а скорей достоинство человека доброго, душевно открытого и искреннего в своих чувствах.

...Щука с Емелей и Чёрт с Водяным
Мирно живут за окошком моим...

...Тешьтесь вы – Господи! – в нашем раю!..
Только не трожьте деревню мою

Белая лебедь томится во мгле.
Трудно не петь мне на этой земле...

Деревни с её старыми легендами и новыми,
а точнее, не проходящими бедами.

Силосом пропахшие загоны,
залит пол цементный молоком.
Скотники за литр самогона
продали казённый комбикорм.
Зябкий сумрак низменного вкуса.
И бурёнки из своих оград
скорбными глазами Иисуса
на происходящее глядят.

Подозреваю, что эстетствующий интеллектуал,
открыв эту книгу, брезгливо отодвинет её на вто-
ром стихотворении. Но это нисколько не унизит
ни поэта, ни его стихи. Виктор Коврижных зна-
ет для кого он пишет. Это его русский трудовой
народ, пишет на его языке и ему понятные вещи.

ГЛАГОЛ ОГЛОБЕЛЬНЫЙ

Зачислен рядовым в мой лексикон.
В моём полку всему найдётся место.
Ему устав забористый – закон.
И лошадь феньки лагерной – невеста.

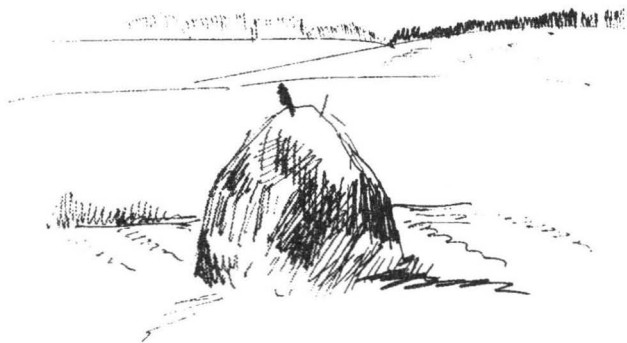
Виктор Коврижных

Его колхозный конюх окрылил
Отвагою и небом огородным.
И утренний архангел Гавриил
Благословил на промысел народный.
Высокую культуру не сулит.
Но знаю: супротив варяга злого
С достоинством и честью постоит
За Родину и праведное слово.

Вы только вслушайтесь в звучание слова «ОГ-
ЛОБЛЯ». Мне кажется, оно звучит прекрасно.
И очень по-русски. Своего рода гимн просторе-
чию, обиходному языку простого человека.

СЕРГЕЙ КУЗНЕЧИХИН

В СЕНТИМЕНТАЛЬНЫХ СУМЕРКАХ СИРЕНИ

Живу в селе неторопливо
вдали от праздных дураков.
Мне новый день, что кружка пива
с игристой пеной облаков.

Ещё живой. И слава Богу.
Не скучно мне в своих веках
топтать привычную дорогу
до тихой речки в тальниках.

Глядеть на птицу в небе ясном,
в житейских хлопотах предел.
И понимать, что не напрасно
я здесь родился, жил и пел.

Где даль светла и встречный каждый
душевной близостью знаком...
А что потом? – Уже не важно,
когда есть родина и дом.

Когда бывшее в летнем глянце
нахлынет лёгкою волной,
то начинаешь удивляться
тому, что я ещё живой...

ВТОРНИК. ЧЕТВЁРТОЕ ИЮЛЯ

А когда уже всё надоело
среди грохота плит и кастрюль,
пожалеть моё грешное тело,
прибыл вторник, четвёртый июль.

И тогда я пошёл за грибами
с оцинкованным звонким ведром.
Проворчали беззлобно громами
небеса над лесистым холмом.

Так дышалось легко и свободно
и мечталось в лесной тишине!
Словно Господу было угодно,
чтобы вторник явился ко мне.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Притихнет зной, как пчёлы в ульях.
Покой задумчивый настанет.
Вновь в тишину вечерних улиц
выносят свет ладони ставен.

На всплеск ведра во мгле колодца
собачий лай взлетит ответно,
цепочкой длинною прольётся
от крайних изб до сельсовета.

Блеснёт звезда росой небесной,
примолкнет речка в дымке белой.
Стволы берёз с холмов окрестных
струируют свой свет во все пределы...

ЦВЕТЁТ ЧЕРЁМУХА

Веют в сумерках белые всполохи,
кружит голову вздох ветерка.
Над рекой распустилась черёмуха, –
замечталась, притихла река...

И мне вольно с дороги сворачивать,
и в черёмухе сладко мечтать!
И поверить, что мне предназначено,
что-то важное миру сказать...

СВЕТ В НОЧИ

Светом серебряным куст озарился,
птицы ночной голосок прозвенел...
То ли ребёнок в рубашке родился,
то ли на землю Господь посмотрел?..

Снова темно. Лишь почудился вроде
музыки странной мотив в тишине.
Ветер ль вздохнул? Или может Природе
светлое что-то являлось во сне?..

ДЕТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Дудочки, свистульки, лопушки.
Дедушка. Над дедушкиной дверью
голосят резные петушки,
золото расплёскивая с перьев.

С дудочкой зелёною в руках
я гляжу с высокого крылечка:
клён за огородом и река,
ласковое солнышко над речкой.

Пыльная дорога за рекой
тает за далёкой синевою.
Там, за ненаглядной синевою –
счастье неизведенное мною...

Господи, как явственно о том
вспомнилось и в сердце посветлело.
То ль была душа моя в былом,
или детство в душу посмотрело?..

Вновь бежит дорога по холмам,
тает за далёкой синевою.
И опять мне верится, что там
счастье моё детское живое...

Тёмная комната. Топится печь.
Светится празднично ёлка.
И озаряется тихая речь
сказкой про серого волка.

То ли времён совпадают пазы –
снова внезапно проникли:
синяя речка, обломок грозы,
ласковый зов земляники.

Будто живёт эта даль вне меня,
светом былым продолжает светиться.
И, от недобрых предчувствий храня,
голосом мамы зовёт возвратиться:

к детскому солнцу, в прибрежный туман,
в сказочный лес, где живая водица,
где одинокий царевич Иван
пишет письмо мне пером от Жар-птицы...

Ц. С.
г. Ленинск-Кузнецкий
Отдел обслуживания
АБОНЕМЕНТ

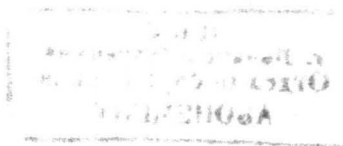
Ленинск-Кузнецкий
Уч. № 17
И. К. Крупской
17

6) 8.11.80

Овраги за оградой и тальник.
Затем бугор за школою и – воля!
Рассыпан петушиный звонкий крик
цветами перепёлкиного поля.

Затем холмом возвышенный лесок
наполненный мечтами и полётом.
Там дудочки зелёной голосок
томится за берёзовым заплотом.

Затем ручей впадающий в Иню,
за ними – лес застыл раскатом грома.
– А дальше?
А дальше чёрт пугает ребятню,
чтоб далеко не бегала от дома.

ЖИВУ НА РОДИНЕ...

Везёт мне: я родился и живу!
На родине. У счастья на примете
кошу с отцом на пасеке траву,
и жить мне очень нравится на свете!

Звенит коса и дудочка поёт
на все лады с кузнечиковым звоном.
И ласточки стремительный полёт,
как чей-то взгляд скользнул по небосклону.

К чему судьбу искать в стране иной? –
Коль здесь по мне и солнце, и просторы,
и синь реки с небесной глубиной,
и жителей доверчивые взоры.

Течение дней исполнено забот
и помыслов высоких и отваги.
Здесь ангел в роще Заячьей живёт
и чёрт живёт за мельницей в овраге!

...Горит над огородами звезда!
А самая желанная, родная
живёт в кирпичном доме у пруда
и о любви моей ещё не знает...

СЕМНАДЦАТОЕ ЛЕТО
(сентиментальное)

И опять моя летняя юность
засветила соломой двory.
Словно ласточка в сени вернулась
из далёкой-далёкой поры.
Где полуденник сладок и горек
от травы в полутёмных сенях,
где клубникой озвучен пригорок,
соловейки звенят в зеленях.
Где цветы над моим изголовьем
дышат зноем в медовом хмелю.
Я лежу на траве и любовью
мир высокой любовью люблю.
Там стихи мои первые, нежные
о безоблачном счастье людей.
И мечты, что наступит, конечно же!
светлый праздник в деревне моей.
Как приду в книжный мир от полянок,
как прославлю стихами народ.
И хороший поэт В.Баянов
мне, наверное, руку пожмёт...

Ах, моя голубая наивность!
В деревянном мелькаешь окне.
Ты до срока скрывалась, таилась,
а теперь проступаешь во мне.
Хоть рассказано и перепето,
но зовёт меня, как не кружись! —
голосок земляничного света,
словно самое лучшее лето,
как и Родина, раз на всю жизнь...
Там травинки любой помнят имя,
там поёт деревянный узор,
там словами такими простыми,
словно скатерть расшит разговор...

Не стесняясь стать сентиментальным,
на холме зелёном за селом
я вхожу в березник пасторальный,
помечтать и вспомнить о былом.

Летний голос счастья и свободы
долетит на лёгком ветерке.
И берёзы – рукопись Природы
на листвянном птичьем языке.

Заколышет полдень небосвода
птичий свист с глаголами берёз...
Ясен смысл душе без перевода,
до печали светлой и до слёз...

Золотые блики, словно слитки
засветили сумеречный двор.
Старый дом, скамейка у калитки,
известью побеленный забор.

Здешний мир живёт вечерним небом:
загнан скот, стихают зелены.
Я давно в знакомом доме не был,
не узнают здесь, поди, меня.

Из-за шторы кто-то мельком глянет,
и хозяин выйдя на крыльцо:
– Нет таких! Уехали в Челябинск, –
скажет, глядя пристально в лицо.

Не скажу в ответ ему ни слова,
лишь на дворик с грустью погляжу.
И следы присутствия бывшего
даже там, где нет их, нахожу...

Снова юность моя пасторальная
улыбнулась в далёком былом,
где над плёсом с водою зеркальной
весь в сиреневых сумерках дом.

Дом старинный, с резьбою, возвышенный,
весь в закатных цветах увяданий.
И шумит тополь кроной над крышею
голосами легенд и преданий.

Это я там с гитарой унылою
на скамье при вечернем огне.
Ненаглядная, нежная, милая
в синем платье выйдет ко мне.

Поцелуй под тихими ивами,
так что кругом идёт голова.
И такими смешными, наивными
льются наших признаний слова...

Всё банально! Избито!.. Но пробую
воскрешать себя в давнем дыму.
Вдруг там счастье придумаю новое,
может быть, пригодится кому...

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Над рекою мерцающей тускло,
у нависших над водами скал
разговаривал, пел на французском
и стихи на французском читал.

На студентку приезжую нежно
я весь вечер украдкой глядел.
Она нравилась мне, и конечно ж,
ей понравиться очень хотел.

Потому говорил об искусстве,
чтобы знала она в свой черёд,
что в деревне такой захолустной
образованный парень живёт!

Был уверен: её очарую.
Ждал заветных признания слов...
Ничего, только два поцелуя
и волнующий запах духов.

До сих пор помню запах и вечер,
и туман, что над речкою плыл.
Лишь забыл её имя и речи,
и французский язык позабыл...

Возьмусь-ка за великие дела!
Но прежде благодарственное слово,
за то, что мать однажды родила,
а не соседка Клавдя Кандалова.

За то, что был я молод и любил,
что быть пришлось и праведным, и грешным,
за то, что прокурор не посадил,
когда я крал у Прониных черешню.

За то, что есть на свете небеса,
и старый пруд за пасекой колхозной,
там по ночам поблёскивают звёзды,
как молодых русалочек глаза.

Опять слетелись птичии крыла
на светлый голос в ласковой природе!
Возьмусь-ка за великие дела –
пойду, вскопаю грядку в огороде!

ОН

Успехи и прибыль, ущерб и урон –
всё вносит в амбарную книгу.
Лишь вечер – выходит на улицу Он,
засунув за пояс поджигу¹.
Встречает Его подчинённый жиган
за мельницей возле деревьев.
На шее тревожный висит барабан.
– Доложь обстановку в деревне!..
– В деревне – порядок! Готовятся спать.
Кукушка на месте кукует.
Собаки на привязях, пришлая тать
телят и курей не ворует.
Капканы на взводе на тропях воров
у Заимки и за Юрманом...
– Надёжны ль запоры колхозных дворов?
– Надёжны! Не дремлет охрана!..
– В деревню чужих до утра не пущать! –
отдаст приказанье и в полночь,

¹ Поджига – самодельное огнестрельное оружие изготовленное из металлической трубки в виде обреза. Широко использовалось деревенской шпаной в 60-е годы.

Виктор Коврижных

уходит за кладбище чёрта страшать
и прочую нечисть и сволочь.
Капканы на тропах воров стерегут,
спокойные спят огороды.
Играет гармоника, девки поют
и водят свои хороводы.
А Он – на подлесках. В засаде тепло,
на взводе пугачик с поджигой.
И звёзды, что вышли смотреть на село,
сверяет с амбарною книгой...

Заклубятся былого туманы
На закате вечерних огней.
И приходят из детства жиганы
Посидеть на скамейке моей.

«Коля-Гвоздик», «Кадэга», «Кудесник»,
«Миша-Нарыш» и «Паша-Пахом»...
Имена написали, как песни,
На скамье перочинным ножом.

Даль бродяжья и свет серебристый,
И в мечтах лишь один потолок:
В комбайнёры пойти, в трактористы,
В колесисты окрестных дорог.

Всё срослось... По отцовскому следу
Уходили в колхозную Русь.
Только я один в город уеду.
Слишком поздно обратно вернусь.

Отцвели трудовые знамёна.
Мерседесы фарцовой орды
Безнадёгой да водкой палёной
Расплатились за ваши труды.

Виктор Коврижных

Многих нет вас... Обрушены сенцы,
Заслонила двory лебеда...
Тихо память вошла в моё сердце
И осталась в нём жить навсегда.

Вновь проступят в задумчивый вечер
Ваши лица на фоне огней,
И горят, словно тихие свечи
Над колхозной державой моей.

ЗЕЛЁНАЯ ДУДКА

Это душа моей родины – дудка зелёная!..

Протяжным минором раздвоена мгла.
Пытался не верить, но в доме под клёнами
меж светом и мглою душа изошла.

Я думал о счастье, и дудочка пела
о звонкой весне и высокой любви.
И всполохом мая в черёмухе белой
поют и поют до сих пор соловьи.

Когда вспоминалось о павших и умерших
озябшая в росах дрожала трава.
Толпились за мною тревожные сумерки
и в смутную душу вдыхали слова.

И в вены мои с неизведанной грустью
текли времена из живой темноты.
Так входит река в своё древнее русло,
вернув берегам их былые черты.

Виктор Коврижных

И дудочки голос над тихим покоем
внезапно прольётся с незримых высот.
И слышно как топчут вдали за рекою
ордынские кони полынь и осот.

И даль отразится в закатном багрянце:
тропа вдоль реки и мерцающий свет.
И радость с печалью уходят в пространство,
которому в памяти имени нет...

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА

За Токовой, за Чухтинским болотом –
хвойное небо в сырой полумгле.
Там обитает кудесник Могота
с тайной последней на этой земле.

Странный и жуткий, живёт нелюдимо,
веды и клады скрывает в лесах.
Очи напитаны горечью дыма,
брезжат в тени его холод и страх.

– Где ж эта даль, что меня будоражит,
сладкою болью томится в груди?
Жители молча на север укажут,
тихо добавят: « Туда не ходи...»

Словно я вышел из времени круга –
голос зелёный за березняком,
в зное густом перелеска и луга
взоры полудниц прошьют сквозняком.

Виктор Коврижных

Тайна судьбы или вещая птица
в зарослях диких, где плачет вода?
Имя своё обретя, растворится,
и не вернётся уже никогда.

Что ж я гляжу в деревенскую память,
сердце неволя, печалю глаза?..
Тихое тайны колеблется пламя,
блики и тени сквозят в образа...

В ЗАБРОШЕННОМ ХУТОРЕ

Погасших окон выцветшие ставни,
глухой заплот, поваленный в осот.
И – тишина, как будто слово тайны
сейчас Господь с небес произнесёт.

Покажется, что жизнь людей былая
из этих мест бесследно не ушла,
как память сокровенная, живая
здесь в тишину незримо проросла.

И ощутишь ознобно чьи-то взоры,
лишь дунет ветер, травы шевеля,
и оживут обрывки разговоров,
мельканье лиц и запахи жилья.

Здесь постоять, как заново воскреснуть
с щемящим чувством грусти и вины.
Всплнкнёт ли птица над судьбой окрестной
и снова станет частью тишины...

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ МУЗЫКА

Светло в глуши твоей, забор воспоминаний.
Ещё хранишь причуды малиновых огней.
Возвысился строкой наивного признанья
неведомому небу, любви к нему моей.

Восселись воробьи, как буквы дней счастливых,
где солнечно и звонко, и ласточка поёт.
И мне легко мечтать, хотя и сиротливо
изведать одинокий души моей полёт.

Штакетниковых струн коснётся ветер шальный —
и утро прошлой жизни звучит над головой.
Где яблонька, накинув зелёный полушалок,
лицо моё целует родительской листвою.

Хранит сирень мечты твой облик деревянный,
сошёл закат багряный в смородиновый сад...
Идёт ко мне Она прекрасною и странной
и уведёт туда, где нет дорог назад...

ЧИТАЛ МНЕ ЮНОША...

Читал мне юноша печальный
свои невзрачные стихи:
набор риторики банальной
и громогласной чепухи.

– Вы не поэт, – сказал я вкратце, –
Зачем штурмуете Парнас?..
Ответил с грустью: – Матерятся
и курят девушки у нас...

– Ты видишь Бога, говорят.
Скажи какой Он с виду?..
Глаза надменные глядят,
как вывеска у МИДа;
костюм малиновый, крутой,
животика овальце;
массивный перстень золотой
на волосатом пальце.
Преуспевающей тщеты
полны его размеры...
– Какой, какой... Такой как ты,
смотри в себя и веруй.

ПРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Он складно пишет вирши и поёт.
Но дол́гом наделён без всякой меры!
И тянет воз общественных забот
без отдыха, ответственно и с верой!

И некогда подумать о судьбе.
От долга ни на миг не отрываясь,
он тащит воз, скрипя и надрываясь,
как гайка, что идёт не по резьбе.

СЕЛЬСКИЙ ЛИРИК

Я памятник себе воздвиг нерукотворный
в селе моём!.. Трубы водонапорной
побольше будет он по высоте!
Пока мечтам не писаны законы,
роняет небо звёзды на погоны
и званье соответствует мечте!

А подо мной дома и огороды,
колодцы, трактора, животноводы,
на лавочке Серков-пенсионер.
Вы про известность мне не говорите.
Я здесь в селе гораздо знаменитей,
чем Вознесенский или Искандер!

Я памятник воздвиг... Высокий вроде,
мне видно, что растёт на огороде
и виден лес встречающий грозу.
Я над селом, как будто в карауле.
Кричат внизу: «Слезай, Витёк, покурим.
Прочти стихи про кузькину козу!..»

И высотой горней окрыленный,
читаю им с восторгом, вдохновенно
про кузькину козу и про быка.
Что даже зоотехник на правленьё
отметил: повышаю настроенье,
а значит и надои молока.

Мой дом почти как штаб при сельсовете,
посколь стихи печатаю в газете
под сводкою районных новостей, —
то жители доверчиво и просто
идут ко мне то с жалобой, то с просьбой —
глаголом покарать лихих людей:

сантехника, завхоза райбольницы,
учётчика и Дуську-продавщицу —
обвешивает, подлая, народ.
Я их глаголом яростным караю,
а сам в душе печально понимаю:
тропа ко мне травой не зарастёт...

ОДНАЖДЫ...

Лопухи, крапива, лебеда,
Старый пруд в берёзовом овале.
Прилетали лебеди сюда,
Караси отчаянно клевали!

Подплывали лебеди к мостку,
Подбирали булочные крошки.
И несли их важных по песку
лапы, словно перья у сорожки.

Серебрилась в озере вода,
Взор томили солнечные дали.
И казалось горе и беда
Здесь своих следов не оставляли.

Может, Божий знак или судьба?
Или просто с временем везенье? –
Уродились славными хлеба,
В огородах – овощи и зелень.

СМЕРТЬ ПАСТУХА

Было так тихо, что даже село
замерло жизнью суровой –
медленно, медленно стадо брело
следом за чёрной коровой.

Зашелестел будоражащий слух
сквозь воздыханья и слёзы:
не устоял... Задавился пастух
в согре на старой берёзе...

И говорили о странной судьбе...
Помню: три ночи оконце
зябко светилось в пастушьей избе
светом закатного солнца.

После бесцельно слонялся и дня
не было, чтобы невольно
не приводили дороги меня
в согру к берёзе окольной.

Виктор Коврижных

Там с удивленьем в себя приходил,
слушал, как кто-то в осоке
ласковой речью мне сердце щемил,
о неземном и высоком.

В странной судьбы роковое кольцо
робко ступал за ответом.
И узнавал я сквозь ужас лицо
в сумрачной зелени веток.

За будничным дежурным разговором
вдруг замолчишь в предчувствии начал.
Над обнажённым выцветшим простором
увидишь свет, который не встречал.

И вздрогнешь поневоле и застынешь
над суетностью высказанных фраз.
То ль голос вопиющего в пустыне
пролился на мгновенье и погас?..

Сквозная синь за голым перелеском,
озябший свет трепещется в душе.
Кружится лист сердечной СМСкой,
но адресат вне доступа уже.

О СОКРОВЕННОМ, ОДИНОКОМ...

О сокровенном, одиноком
вздохнут уставшие века.
И на лампы тихих окон
летят вечерние снега.

Как будто время неизвестных
кружится роем во дворах,
и просит имени и места
в расчисленных календарях.

И мнится мне за снежным танцем
иной гармонии устав,
что не вмещается в пространства
обычных правил и октав.

И следом прихоть иль примета,
или стечение причин? —
Но снег летит сияньем света
из невозможных палестин.

И всхлипнут ветхие ворота,
прольётся тень минут на стол...
И будто в окна глянул кто-то
и в снег не узнанным ушёл...

ДОЖДИ ОСЕННИЕ...

Вам нравится цветение
и вздохи мая томные.
А мне – дожди осенние,
речные лодки тёмные.

Иду в дожди ненастные,
шуршит листва опавшая.
И без вести пропавшие
душой моею властвуют.

И так ознобно дышится,
проступит даль без имени...
И строки сердцем пишутся
умом не объяснимые...

– О чём стихи твои? – Не понимаем...
Вновь упрекнут, кивая на окно.
А за окном стоит толпа немая
Бесцветная, как старое кино.

– Уж коль поэт, веди нас к светлым далям
И прославляй Отчизну и народ!..
Народ – молчит. А дали те – продали.
Там олигарх из Грозного живёт.

А я смотрю на хмурый лес Юрмана,
Где треплет дождь пожухлую листву.
Там одиноко, сумрачно и странно,
Но только вас туда не позову.

Тихо вздрогнуть от шорохов дня,
замерев у речного обрыва,
будто кто-то окликнул меня
из бурьянов, где зреет крапива.

Из каких он пристанищ возник,
отогретый дыханием зноя, —
не пристроенный памятью миг
овладев неожиданно мною?

Видно, нам разминуться нельзя
над рекой, где задумчивы ивы.
Смотрят пристально чьи-то глаза
сквозь зелёное пламя крапивы,

сквозь меня без особых примет,
только сердце тревожно так бьётся,
словно видит неведомый свет,
что при жизни узнать не придётся.

Виктор Коврижных

ДЕРЕВНЯ ТОКОВАЯ
(Триптих)

*В память о деревне Токовая основанной в 1810 г.
и упразднённой, как неперспективная, в 1968 г.*

Тихое бревенчатое счастье,
ко всему доверчивый народ.
Самое высокое начальство –
милиционер и счетовод.

Мёдом забродившая люцерна
колобродит зноем на лугах.
Сотня вёрст вдоль речки до райцентра,
тёмные поверья – в трёх шагах.

Где ещё блукает по болотам
лешачина, путая коров.
И хозяйки вяжут на заплотах
обереги хитрых узелков.

Ситцевы раздвинув занавески,
смотрят окна прямо на луга.
А за ними лес да перелески,
а за огородами – тайга.

С выводками солнечных лисичек,
с рыжиками хрусткими в кустах.
И с далёким гулом электричек
совпадают стрелки на часах...

Ты не та сегодня, Токовая,
улочка в четырнадцать дворов.
Хоть мне мнится память вековая
в безоглядном пенье петухов.

Электричек гул за дальним лесом
достучался до сосновых стен:
голоса тотального прогресса
ловит жадно длань телеантенн.

Новый день в свои права вступает...
Солнышко не спорит с новизной –
на тесовых крышах закипает,
смоляной вытапливая зной!

Золотосвечение лукошек
в сумеречном травнике сеней,
кроткий взгляд улыбочивых окошек
и разлёт наличников-бровей!

Виктор Коврижных

Городьба, колодезь и ракиты,
над тропинкой лопушиный лист.
И кометой, сбившейся с орбиты,
вдалеке промчал мотоциклист.

На лугу стрекочет сенокоска,
летний день до косточек согрет.
И звенит знакомое окошко
голосами отшумевших лет...

То ль душа невольно оглянулась
на мечту заветную в былом –
девочка с крылечка улыбнулась
на тебя похожая лицом.

Как тобою грезил я в то лето,
как ночами сидя под окном,
сочинял поэмы до рассвета,
воровал сирень у сельсовета.
Ты в райцентр уехала потом.

Написать письмо мне обещала
в наше глухоманное село.
И письмо, конечно ж, написала!
Только затерялось, не дошло.

Так как ненадёжные дороги,
да и до райцентра сотня вёрст...
Отцвели картофельные сроки,
скошены люцерна и овёс.

Так воспоминаниями греясь,
я стою у памятных ворот.
И опять с наивностью надеюсь,
что дойдёт письмо твоё, дойдёт...

В ТОКОВОЙ...

Когда-то здесь была деревня.
Кипела жизнь до перемен.
Теперь – покосы да деревья,
да ветхих изгородей тлен.

На всём печать былой опалы.
На месте изб и погребов –
быльём заросшие провалы
и сырость с запахом грибов.

Виктор Коврижных

Журавль колодезный, глядящий
над сгнившим срубом в небосклон,
кусты малины одичавшей
и мелких ягод сладкий стон.

Здесь дух особенный, глубинный
чуть приглушает голоса...
Торчит помятая кабина
послевоенного «ЗИСа».

Томят и тишь, и воздух этот,
и вверх по склону вдоль реки
томят дремучие ранеты,
крапивы тёмные колки.

И кто-то ведал мне когда-то,
что здесь в бурьянах Токовой
ночами плачется кудлатый,
бездомным ставший домовой.

Медовый зной лесных полянок
прольётся лёгкою волной
на пожелтевший конопляник,
на чернобыльник надо мной.

То ль шёпот сосен на опушке,
то ль осеня мой визит,
душа снесённой деревушки
в листве незримо просквозит.

И вздрогнет сердце виновато,
и растокуется в тоске
о том, как жил я здесь когда-то
в далёком детском далеке.

И тополь с тёмною скворечней
сухою веткою скрипит,
как будто жалуется встречным,
что здесь один он и забыт.

И заklubит перед глазами
полынным маревом окрест...
И правит сердцем и словами
родная память отчих мест.

По Токовинской дороге,
в сумрачном царстве болот,
в старой медвежьей берлоге
филин столетний живёт.

За гробовое молчанье
прячется чёрная весть.
Страшно бывать здесь ночами
лешие водятся здесь.

Ржавые травы трясины
веют сипеньем гадюк.
Робко трепещут осины,
сбившись испуганно в круг.

Всюду обман на обмане,
нежить, зловоние, яд.
Рядом по горло в тумане
мёртвые сосны стоят.

Дальше – печаль бурелома,
где в лишаях и во мхах
ропот остывшего грома
в серых таится камнях...

Сказывал местный народец:
мол, в этих дебрях беды
спрятан заветный колодец
полный бессмертной воды.

Были герои... Искали.
Да ничего не нашли.
Канули в топях, пропали,
мохом следы поросли.

Где тот источник заветный,
ключ от небесных палат?
Леший да филин столетний
вечную тайну хранят.

Слышишь, как воеет ненастье
там, в токовинской ночи? –
Это народного счастья
ищут золотые ключи...

СЕНОКОС

Сенокосный, високосный
Год-июль набрал полёт!..
Над травой густой и росной
утро раннее встаёт.

Проступают постепенно
сквозь туманный полумрак:
склон холма и копны сена
и с кустарником овраг.

Зреют шорохи и звуки
над озябшею травой,
и вода речной излуки
засквозила синевой.

Алым заревом на синем
засветился небосклон.
Набирают робко силу
птичий щебет, свист и звон.

На лугах, на сенокосных,
словно счастья смех и крик,
засверкал в алмазных росах
солнца утреннего лик!

Залил светом даль лесную!..
Вот и легкий ветерок
гасит росы и волнует
мой притихший костерок.

Как сплошной пчелиный улей,
день гудит над головой!..
Верноподданный июля,
сенокоса рядовой!

2

...Устали... Уже не до смеха.
И вот, через лог напрямик,
на конных граблях к нам подъехал
высокий и строгий старик.

«Помочь?» – пожимаем плечами:
во сне? Или же наяву?..
А грабли уже зазвучали,
в валки собирая траву.

Глядим на него с удивленьем:
откуда? И кто он таков?..
Ложились в ответ объясненьем
шуршащие строки валков.

Несла старика колесница,
мелькало вращение спиц.
Во мне шелестела страница
с рисунком былых колесниц.

Гребли, будто бы воскрешали
далёкие годы свои.
Закатною медью мерцали
заклёпы и бляхи шлеи.

Вздымались в сияющем глянце
железные пальцы граблей,
скрипели чугунные фланцы,
как петли амбарных дверей.

В молчании строгом, неярком
по кругу вершили дела.
Дуга триумфальной аркой
над конскою гривой плыла...

Печальным кармином заката
вечерний окрасился час.
Казалось, что с ними куда-то
уйдёт что-то важное в нас.

Окончил дела. Я в награду
тяну тройки и рубли.
Ожег, как кнутом, меня взглядом,
коня – под уздцы и – пошли...

В закат, по колени в тумане,
где тихие гасли огни.
Как будто в легенды, преданья
навек уходили они...

3

Сенокос отошёл... Смолкла воля.
Зябкий сумрак томится во рву,
словно ропот вечернего поля,
на котором скосили траву.

Всё по мне: и печаль, и дорога,
тихий свет над родной стороной.
Горьким мёдом исходит из стога
обезвученный скошенный зной.

И смотрю я, душой обмирая,
на просветы берёз и земли,
где, как пасынков горнего края,
слов несказанных тени легли.

Виктор Коврижных

Не кляню ни судьбу, ни погоду,
несказанному выпадет срок,
коль грядущему слову и году
наготовлено лучшего впрок...

ПРИШЕСТВИЕ

Туман за клубился у края земли.
Воскресший Христос показался вдали.

В сермяжной одежде, седым и босым.
Бесцветное небо тащилось за ним.

Как тень обесмысленной злой пустоты,
В которой от скуки погасли цветы.

Все сильные мира и прочий народ
Встречали Его у Кремлёвских ворот.

Но мимо помпезных хоругвей, икон
В деревню Бачаты проследовал Он.

– Знать, время Его на беспечных ветрах, –
Промолвил печально Кирилл Патриарх.

В мой дом постучался Христос одинок.
Я кротко приветствовал: – Здравствуйте, Бог.

Подав Ему тапки, к столу пригласил
И выпить настойки стакан предложил.

Виктор Коврижных

Он лишь пригубил... А затем при свечах
Беседы вели о житейских вещах.

О смысле Труда и о том, что страна
На муки и счастье Всевышним дана.

– За что ж мне великая выпала честь,
Ведь лучше меня в этом мире не счесть?

– Мой путь самому мне неисповедим,
Считай, что на свете такой ты один, –

Ответил Христос и добавил потом:
– Живи как живёшь, Я запомнил твой дом...

Его проводил до последней избы,
где млела полынь у седой городьбы.

Он в небо взошёл над моей головой.
И вслед небосвод засиял синевой.

Запахло полынью и в сонных кустах
вовсю зачирикал очнувшийся птах...

Что думают сильные мира сего?
Скорее всего, не признают Его.

ПОЗДНЕЕ ТЕПЛО

Распустилась ранетка в преддверье снегов –
осень поздним теплом объегорила древо.
На упругих ветвях – россыпь белых цветков
колыбельным клубится напевом.
Среди голых деревьев, впадающих в сон,
сумасшествием кажется это цветение.
И крестилась старушка, косясь в небосклон,
ожидая беды иль знамения.
А ранетка цвела! Не предвидя невзгод,
озарённая внутренним светом.
Как улыбка слепого, который умрёт
на этой неделе, не зная об этом.

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

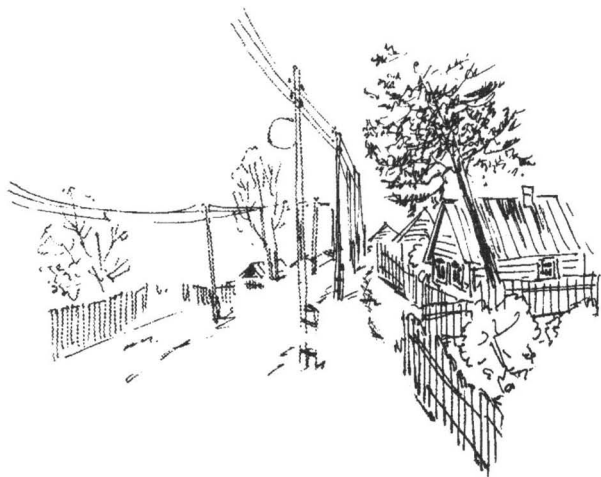
Светло в лесу!.. Берёзовые кроны,
как купола церковные парят.
И листья – беззвученные звоны –
в траву оцепеневшую летят.

Покой во всём и нега, и блаженство.
И мир на богоизбранном пути
наверное дошёл до совершенства,
и дальше, вроде, незачем идти...

Сижу себе беспечным на поляне,
бреду мечтой за синий окоём.
Мне кажется, и я душой проявлен
в разлитом вдоволь свете золотом!

Лишь вдалеке задумчивые ели
застыли в тёмной строгости ветвей.
Как будто в них случайно посмотрели
глаза былых трагедий и скорбей...

ТАМ, В НАРОДНОЙ
ГЛУШИ...

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

...и этих туч насупленный свинец,
и этот куст подёрнутый багрянцем
необходимы, как Новокузнецк
в соединеньи времени с пространством.

Природа вся – в ответах на вопрос.
Налево – холм, направо – лес окрестный.
А здесь полынь заполнила откос,
посколь полынь здесь более уместна.

И человек, с высот спустившись вниз,
прозреет дух сурового простора.
Намеренный построит Коммунизм
по чертежам и памяткам Христовым.

Отринет он престижный цвет знамён
и постулаты зодчества былого.
Пространство продиктует ход времён
и вещей песен титульное Слово.

2

... И было так: труды мои венчал
среди граблей, напильников и вёсел
высокий день евангельских Начал
из сумерек наследственных ремёсел.
Оживший бог обыденных вещей
дарил свои секреты мне и знания,
что даже отблеск гаечных ключей
навеивал легенды и преданья.
Возможно, лишь желание моё –
обычный труд возвысить до Завета.
Но льнёт тесло к рукам и бытиё
даёт полёт и направление света,
где проступает времени портрет.
И кто-то мне повелевает свыше:
поставить дом крылечком на рассвет,
а на закат – коньку смотреться с крыши...

3

Я полагаю: был вначале Труд
поводырём дремучего сознания.
Во глубине языческих минут
прозрел Господь в процессе созиданья.
Компьютер Он изладил или стул –
неважно то! Сквозь радужные слёзы
дороги человечьи повернул

на фабрики, заводы и в колхозы.
Довольный сел курить у тополей
и разразился пафосною речью:
– От верстака, рубанка и граблей
произойдёт разумный человеке!..
И новым смыслом слово озарил,
и спать побрёл в заоблачные кущи.
И смысл усвоив, Труд заговорил
на языке понятном всем живущим.

4

Ещё случилась Музыка... Потом
грядущее откликнулось в былом.

Где слово стало смыслом и судьбою –
Вселенная вместилась в звукоряд.
Вернулся отражённый взгляд назад:
трава зелёная – зелёною травой.

Я думал: всё на свете объяснимо.
Но в сумерках взошла иная даль.
И новый Бог своё услышал имя
в минуте не внесённой в календарь.

Из тайны отражённой человеком
приходит миг, который станет веком.

ПОЭТ

Он прошёл выше славы.
Никуда не свернул.
Так проходят составы,
только грохот и гул

донесёт из-за леса
и неведомо нам:
кто пронёсся Велесом
по лесистым холмам?..

Не про вас та дорога
в суть его бытия.
Он оспаривал Бога,
Бог ему и судья!

Он вошёл в мрак иного,
там Господь повстречал.
Осенил его Словом
для начала Начал.

Он вкусил божью милость
в новых безднах сполна.
И всему, что открылось,
дал свои имена.

СТАРУХА

Старухе этой – девяносто с лишним...
Уж немощна она да и слепа.
Но, видно, бережёт её Всевышний, –
для смерти не протоптана тропа.

Живя в квартире дочери и зятя,
свободная от кухонных забот,
она молчит в каморке виновато,
что век чужой давно уже живёт.

Ей совестно за немощность и кашель,
и потому, украдкой от родных,
она на ощупь протирает кафель,
передвигаясь робко вдоль стены.

И по ночам к Всевышнему старуха
взывает все грехи её простить.
И – умереть, пока тепло и сухо,
чтоб нам зимой могилку не долбить...

ОДИНОЧЕСТВО

Я случайно, внезапно вошёл в этот снег:
стыли сумерки в белом ознобе,
заблудившийся в поле стоял человек,
утонув по колени в сугробе.

Ни следов, ни примет, только снега игра
и повсюду – ни капельки света!..
И казалось, что я уже умер вчера,
но сейчас только понял я это.

Но прорезался «скорый», как свет из окна.
И – погас... Звук распался в отрогах.
И опять белый мрак, и опять тишина,
ни дорог, ни надежд, ни тревоги...

Лишь остался в душе, словно след ножевой –
снег дрожащий над полем ознобом.
В предпоследнем вагоне я ехал домой
и на поезд глядел из сугробов...

КАК ЗЯБКО МНЕ СЕГОДНЯ...

Как зябко мне сегодня в нашем доме.
Я будто стужи с горечью хлебнул.
Мне в эту ночь так явственно, так долго
всё снился брат, который утонул.

В мой выплыл сон, как на берег спасенья,
и говорил, что жив и невредим.
И я не верил, что водой осенней
сомкнулась крыша вечная над ним.

Предчувствие вины или расплаты?
На кухне чай не выпитым остыл.
Как будто это я приснился брату,
за то, что я его почти забыл...

СОКРОВЕННОСТЬ

Я возле дерева стоял оцепенело:
шли люди в белом из каких-то стран.
Вот принесли утопленницы тело
и опустили бережно в туман.

Я понял, что река остановилась.
Над мёртвым телом всколыхнулся крик.
Она спала, а мы ей только снились,
мы в сон вошли живыми в этот миг.

И он во мгле полночной длился, длился,
печаль судьбы неведомой тая.
Туман у ног, как смерти мысль, клубился,
и в сердце скорбь, как речь небытия.

Вдруг голос птицы – радостный ручей
пролился вниз, он был доступен взгляду.
И я подумал: это соловей.
«Ах, соловей!..» – воскликнул кто-то рядом.

Потом я жить пошёл туда, где свет
сливался с ветром утренних побудок.
И люди в белом мне смотрели вслед,
сквозь мглу веков глазами незабудок...

Не надо чувству мыслящему слов,
Когда питает смыслом увлечённо
Небесный свет. Так сумерки цветов
В тягучий мёд преобразают пчёлы.

Угомонись, мыслитель-вертопрах,
Меня код и время мироздания.
Твой дерзкий ум всего лишь куцый птах
В ладонях сокровенного сознанья.

Чего ты ждёшь, вонзив свои глаза
В закатный свод, где громоздятся тучи?
Начертит строчку молнией гроза
И следом громом смысл её озвучит.

В СУМЕРКАХ СЛОВА

Сойдёт на нет заката алый всполох,
пролётся в сумрак тихий свет берёз.
И затомит ночной небесный полог,
пристёгнутый на пуговицы звёзд.

Сквозь тишину предчувствий и мерцанья
вдруг просквозит, прозрение тая,
из глубины неведомого знания
сердечный смысл простого бытия.

И каждый миг, как времени иного,
несёт в себе осмысленный ответ.
Для прихожан молитвенного слова
во всём живёт открытие и свет.

Не всем по плечу безымянная слава,
что в жизни обыденной просто живёт.
Лишь жаль, что опять не узнает Держава,
как странник народный до Бога дойдёт.

Начнёт, зарядившись от слова простого,
в заглохшую землю бросать семена,
будить голосами глухие просторы,
вернув потерявшим свои имена.

Послушна природа божественной воле.
Любовью и светом желанным полна.
Журчаньем ручья, колосящимся полем
по имени нас окликает она.

«Когда пробьёт последний час Природы...»

Ф. Тютчев

Захлебнутся последние битвы
и проступят сквозь гибельный свет
изваяньем дежурной молитвы
берега остановленных лет.

В небесах растворится дорога,
в вечный холод раскроется дверь.
Коль такого придумали Бога,
прозревайте, живите теперь.

Только там, где мы жили и были
просквозит во вселенской тоске:
– Нет, не те мы слова говорили,
и совсем не на том языке...

Никого не ищи, не зови
среди крапивы у ветхих заборов.
Зябко двери скрипят и в крови
бродит ветер осеннего бора.

Словно прошлой войны сквозняки
постучались тревожно в ворота.
Взмыли чёрные вдовьи платки
и растаяли за поворотом...

Это было совсем не со мной,
но осталось наследственно в генах:
плач вдовы над осенней волной —
леденящим предчувствием в венах.

Будто в мире остался один!
И всплывёт над дворами пустыми
из глухих позабытых глубин
озарённое памятью имя.

Словно воля неведомых сил
правит кровью моею с рожденья,
чтобы я ничего не забыл
и других не обрёл на забвеньё...

НОЧЬ ГОГОЛЯ

Смотрел на свечу и бумагу,
как воск на подсвечник течёт...
И вот из глухого оврага
явился с чернильницей чёрт.
Но следом торжественно-строго
Надмирный прорезался Свет,
который горит раз в сто лет,
чтоб сердцем прозреть перед Богом.
Но в смысле высоком знаменья
душа не признала родства.
Он Свет, что был дан во спасенье,
легко переплавил в слова
восторга, печали и гнева...
И чёрт, осознавши сюжет,
не загораживал неба,
чтоб виден был божеский Свет.
Задумались травы и реки,
и всадник над степью взлетел,
и подняв набрякшие веки,
вгляделся в грядущий предел.
Вздыхал за деревьями ветер
из прошлых полынных теней.
– Что видишь ты там, за столетьем?
– Я смерти не вижу своей...

ГЕНЕРАЛ

Он говорил: я – генерал!
Мол, мой портрет в музее.
А сам – окурки подбирал,
в лицо дышал портвейном.

Он говорил, что знает толк
в балете, медицине.
А сам – в затасканном пальто
и в сапогах-резине.

Мы с ним брели по мостовой,
он мне твердил побаски:
мол, ствол у пушки боевой
длиной до Красноярска.

«Зачем ты врешь! – ему кричу, –
К чему враньё такое?»
А он в ответ: я рак лечу
морковною ботвою.

Виктор Коврижных

...Он умер осенью. Кусты –
в почётном карауле,
роняли скорбные листья
на тротуары улиц.

Я сапоги его забрал,
стучусь в чужие двери.
Всем говорю: я – генерал!
Смеются, но не верят...

ПРОТЯЖКА ГАЕК

Вот мы взяли ключи...
Вот мы гаек набрали...
Вот, пошли, не спеша, вдоль пути...
Потому не спешим,
что идём не на праздник,
а крепёжные гайки крутить.

Заскрипели болты,
так протяжно и нудно.
Скрежет их – аж до боли в зубах.
Растянулась на час
по спирали минута.
Греет гайки тугая резьба.

Выпрямляется путь!
Мёртво стяжками схвачен.
Взбухли жилы на мускулах рук.
Но в упругую сталь
до упора накачан
огранённый и яростный звук!

Виктор Коврижных

Путь настроен! А нам
от усталости – тесно!
Эх, сейчас бы на сутки привал...
В рельсах зрел до поры,
словно в трубах оркестра
торжествующей музыки шквал!..

РАБОЧЕЕ УТРО

Зарю кузнецы куют.
Звон наковальни.
Весело что-то поют,
значит – нормально!

Кукует кукушка в лесу,
росы хрустальны.
Вот к наковальне несут
лемех отвальный.

Летят из гнезда огня
птицами звоны
в зелень озона, звеня,
до небосклона.

Созрел золотой на корню
колос глагола!
Новому светлому дню
выкован голос!

ВРОДЕ БЫ СОНЕТ...

Вне мечты о высокой зарплате
Я пишу об обычном таком:
Ходит Муза в рабочем халате,
А Пегас мой с телегой знаком;

Об исканьях в шахтёрском формате,
О «слесарке» с висячим замком.
Там о сущей своей благодати,
Я простым говорю языком.

И удачу нашёл не в столице,
А в забоях, где мрак и вода.
Загрузил трудоднями страницы —

Свет с теплом понесли в города,
Чтоб кормились и божии птицы
От насущного хлеба труда.

РАЗГРУЗКА ШПАЛ

Может быть в опале мы?
Иль не ко двору? –
К нам «букан» со шпалами
прибыл поутру.

(Для неэрудитов
поясню: букан –
тип вагонов крытых,
двери по бокам.

Разную продукцию
перевозят в нём:
загружают фруктами,
бочками с вином,
стройматериалами,
но и в кои дни
загружают шпалами –
сволочи они!)

Завершились странствия,
тряска позади.
– Эй, синоры, станция
ваша – выходи!..

Шутка – вещь хорошая,
ободряет нас.
Кран на время – брошенный,
ни к чему сейчас.

Здесь краны – бессильные,
сила рук важна!
Знаком вопросительным
крановых спина.

...Словно рыбы мёрзлые
шпалы вниз летят,
и, хвостами ерзая,
по снегу скользят!

Мы внизу – проворные!
Пару шпал вдвоём –
на руки и в сторону
штабеля несём.

И, мерцая бликами,
лягут тяжелы
золотыми слитками
солнца и смолы.

– Ноги поторапливай, –
нам кричит старшой, –
чтобы штраф не вляпали
за перепростой!

Мы в снегу – до пояса,
новый бьём маршрут.
Хоть глазам и боязно –
руки волоку-ут!..

Весь уже заваленный
шпалами тупик.
Так нагрелись валенки –
снег на них шипит!

Старший улыбается:
– Новый ряд начнём,
что-то темп мы сбавили,
ну-ка, поднажмём!

Супротив Корчагина
выглядим слабó!
Ну, давай, подтягивай!
Навались гурьбой!..

И пошли по кругу мы,
рассыпая смех,
и мороз испуганный
уползает в снег!..

Золотые штабели
вытянулись в ряд.
– Ваше Зубоскалие,
принимай наряд!..

Выгружены, сложены
шпалы – будь здоров!
Мы стоим похожие
на снеговиков.

Ровная поленница
в солнечной пыли.
Нам ещё не верится:
как же мы смогли?..

А какие выводы
с выгрузки такой? –
Отряхнули ватники
и пошли домой.

Над тропой лирической,
словно идеал,
социалистический
небосвод сиял...

Кран доверили мне заводчане!
Новый кран свежей краской блестел!
Вот таким он мне снился ночами,
когда крана ещё не имел.
Говорил мне начальник дорожный,
от кабины вручая ключи:
– Заводи... Да смотри осторожней.
Не забудь блокировку включить...
Края неба душою касаясь,
я с ключами, как с орденом шёл.
И весь мир улыбнулся, и зависть
я в глазах у рабочих прочёл.
Что ж, завидуйте, что ж, – ради Бога!
Я ведь тоже завидовал вам.
Открывалась мне даль и дорога,
и судьба настоящая там.
... Я соскабливал с обуви глину,
от волнения руки тряслись.
А всего-то: ключи от кабины
да стрела устремленная ввысь.

КАК РАБОТАЛ Я С МАГНИТНОЮ ПЛИТОЙ,
ЛУЧИК СОЛНЦА ПАДАЛ В СТРОЧКИ ЗАПЯТОЙ

Я работал с плитой.
О-го-го! – выдавал!
Жаль не видел никто,
как железо кидал
из вагона в вагон
только грохот стоял!
Всех святых и богов
наверху распугал!
Я магнитом металл,
словно рыбу ловил,
заводил и кидал,
и опять выводил!
Колдуном-громуном
я казаться хотел,
колдовал рычагом,
что-то страшное пел!
Что-то пел, грохотал,
да гордился собой!
Лучик шустрый такой
на стекле танцевал...
Я работал бегом,
пот катился с лица.

Виктор Коврижных

Незаметно вагон
разгрузил до конца.
И народ приходил:
– О-го-го! – мне кричал, –
Весь вагон разгрузил!
Кто ж тебе помогал?
Я курил не спеша,
говорить не хотел.
Просто пела душа,
потому и сумел...

НА КРАНЕ

Высоко сажу.
Далеко гляжу:
переезд метут составители;
бригадир пьёт чай –
перерыв сейчас –
я на мир смотрю удивительный.
Солнце льёт волной
золотистый зной,
за рекой мелькнёт платье белое.
«Стропаля» – в тени.
(Отдохнуть бы им, –
столько дел с утра переделали...).
Голосистый птах
рассвистелся так,
словно правят им дни высокие!..
Над моей стрелой,
над моей судьбой
небеса стоят синеокие.
Высоко сажу,
далеко гляжу,
заводской гудок взмыл над кронами.
Бригадир встаёт,
мне сигнал даёт,
время вновь вперёд с места тронулось...

Моему ж. д.крану «КДЭ-163»

Милый друг, однако, постарел ты.
Стать не та, подшипники гремят.
Ты скрипишь так жалобно на стрелках —
я тебя заездил, виноват...
Ты прости, что был к тебе вначале
не совсем внимателен и строг.
Но зато мы столько поднимали,
столько проложили мы дорог.
По ночам с печалью суеверной
твои окна в сны мои глядят.
И троса, натянутые нервы,
на ветру, наверное, болят.
Был наш путь и праведным, и верным...
И клубит воспоминаний дым
над стрелой с табличкою фанерной
со служебным именем твоим.
Вывел в люди ты меня когда-то,
я теперь в дома большие вхож.
Но скажу, что конь мой, конь крылатый
на тебя по-прежнему похож...

НАПАРНИК

Вытирая ветошью ведёрко,
Скажет, хитровато щуря глаз:
– Не спеши, писака, крюк не дёргай.
Это ж кран тебе, а не Пегас...

Я молчу. Он – крановщик со стажем.
Вроде, высшей лиги крановой.
Он в работе ловок, быстр и сложен.
Я ему завидую порой.

Наградил Господь его смекалкой,
да ехидством тож не обделил.
Вот опять, не быть смешным и жалким,
изо всех пред ним стараюсь сил.

Говорит язвительно и гордо:
– Твой бы евтушенка здесь зачах.
Вы, поэты никуда не годны,
хвастаться горазды лишь в стихах...

Виктор Коврижных

На педаль спокойно ставлю ногу,
да на крюк внимательно гляжу.
Докажу ему – поэты смогут!
Вот лишь наловчусь и докажу.

И работал я не так, как прежде, –
подавал увереннее груз.
И казалось, что глядит с надеждой
на меня писательский Союз.

МЁРТВЫЙ ГРУЗ

(«Мёртвый груз» – вкопанный, вмёрзший в грунт груз, запрещённый для подъёма инструкциями по эксплуатации грузоподъёмной техники).

Взяли булыгу замшелую трóсом.
Кран накренился, скрежечет натужно...
Вырвали, всё-таки!.. Дико и косо
корни торчали у камня и тут же
вылез мужик, бородатый и сивый,
в рваной овчине, с кнутом и похмельный.
– Где мои кони? – сердито спросил нас.
Щёлкнул кнутом и исчез за котельной...

Овеял сентябрь сусальным поверьем,
меж прошлым и явью границы размыты.
Клубами дыма на кронах деревьев
кони паслись, золотые копыта...

Всё про кран и про кран... – Надоело!
Сколько можно железом греметь?
Я присяду на камень замшелый,
стану в грустную память глядеть.
Как зелёное лето скосили,
как закат за окошками цвёл.
Как явился блатной и красивый
и любимую в город увёл.
Зябкой дымкой подёрнуто поле,
в поле брат мой и вдруг из-за плеч –
кран бредёт мой, как конь к водопою,
пить души моей грустную течь...

БЕРЁЗЫ НА ОТВАЛЕ УГОЛЬНОГО РАЗРЕЗА

Окраина тихого света над голым
отвалом и рёвом машин и огней.
В груди защемит и пойму я, что голос
Природа дала мне, чтоб молвить о ней...

Пробились сквозь камни, пожары и пепел,
взошли и родительский свет зазнобил.
И этот наивный их, лиственный лепет
я сам не пойму, отчего полюбил.

Словно они не могли не родиться,
словно лишь живы они потому:
чтоб нам, неразумным, не заблудиться,
душой не ослепнуть в камнях и дыму.

ПО САМОМУ КРАЮ!..

Есть упоение в работе,
когда лицо судьбы напротив
лучится удалю лихой!..
Работа срочная. За мной
спешит посыльный в выходной.
Мой кран с ажурною стрелою
сквозит готической иглою
над заводскою проходной.

Презрев инструкции и нормы,
гружу опоры на платформы.
Парит меж небом и землёй
громада груза под стрелой!
Легко, протяжно, невесомо.
И будто я парю под солнцем
совместно с краном заодно.
И льётся небо мне в окно!..

Сейчас я здесь, как центр Вселенной!
И я уже не разберу:
то ль кровь гудит восторгом в венах,
то ль трос упругий на ветру?
Я знаю: лишний килограмм –

и я лечу ко всем чертям,
навстречу смерти под откос,
к подножью вскрикнувших берёз!..

Ничто меня не остановит!
Внизу начальство хмурит брови,
грозит, заботясь о себе,
за нарушения ТБ.

Я здесь творю, как великан,
стихией удали и рока,
как правит музыкой высокой,
во власти звуков музыкант!..

Конец трудам! И вот уж строго
меня начальники корят.
Но мне смешон их важный взгляд.
Ведь я парил, я спорил с Богом,
когда был вечностью объят!..

В ТЕНИ ВЕЛИЧИЯ ТРУДА...

Непонятно мне всё же: куда мы спешим,
растворяясь в толпе обречённо?
Над чумазой котельной скорбит чёрный дым,
оттого, что он – чёрный...

Веют жаром в лицо мне порода и шлак,
слепнут птицы в промышленном зное.
В спину дует тоской безысходной сквозняк
из пустых родников и забоев.

Шорох ржавой травы, в придорожной пыли
вянет горсть одичавшего сада.
И присниться бредёт к Сальвадору Дали
металлический облик распада.

Дактиль схемы служебной души и крови,
под пятой переменного тока,
направляет с любовью миноры свои
к обрамлённым бетоном истокам.

Соком горьким исходит полынь на песке,
даль сгорает пред мысленным взором.
С убыванием речи живой в языке
вымирают леса и озёра.

Зёрна пепла и шлака стекают из рук,
дым вопросом вздымается снова.
И стонет в душе неприкаянный звук,
как обломок начального Слова...

ПОЛЫНЬ ПОКАЯННАЯ...

Я, наверно, умру... Зной расплавил границы.
Так овеяло давним, что в груди обожгло.
Над полыньёю кружат неуёмные птицы,
в горький запах и зной окуная крыло.

Словно годы стекли в этот омут полынный,
вянет смятая зноем поблекшая синь.
Остановится взгляд пред иссохшимся тыном
и обрушится небо бывшее в полынь...

По горячей пыли ухожу я из дома –
поманил лёгким счастьем фабричный гудок.
Снова губы мои потревожат истомой
горьковатые буквы несбывшихся строк...

Не жалея!.. Не жалея меня, жгучая память!
Растопи прежней верой мой завтрашний снег!..
Голубую стеною колыхнется пламя
и становится память полыньёю во мне.

Я так долго живу, что забыл где родился:
то ли в гулких цехах, где машины гудят,
то ли в смутной полыни, где свет преломился
из родительских окон глядящих в закат.

Оставлял на потом свет небесных пророчеств,
всё долги отдавал, чтобы совесть не жгла.
За текучкою дел в трудных буднях рабочих
не заметил, как стали душою дела.

Не сбылось... Хоть глаголы рассветов и улиц,
вроде, ярко цвели и правдивым был слог.
Молча люди прошли, даже не оглянулись,
не согрели их души костры моих строк.

Неужели напрасно я пел у мартенов,
пробивался в забоях, глотал едкий дым?
Вновь идти напролом и разбить лоб о стены,
коль Господь не сподобил к путям обходным?

Я, наверно, умру... Я не знаю, как быть мне?
Поселилась вечерняя в сердце заря.
Скоро синие сумерки кровь мою выпьют,
о которых я пел... Может быть, и не зря...

ОДИНОКИЙ ТРАКТОР

Неуютно, сиро и убого
во дворах заглохшей МТС.
Через поле вязкая дорога
уползает в сумеречный лес.

Непогода. Трактор стар и грязен
бороздит плугами косогор.
Брызговик верёвкой привязан,
чёрным маслом кашляет мотор.

Дух упадка над Россией всюю,
бесполезен хлебороба труд.
Это поле, если и засеют, –
урожай в закром не уберут.

А в селе – разруха да сивуха,
трын-трава у ветхой городьбы.
На скамье печальная старуха,
будто призрак горестной судьбы.

Только трактор, вопреки резонам,
тарахтит с надрывною тоской,
нарезая плугом горизонты
новой жизни светлой и простой.

Тыща лет пройдёт!.. В ночи глубокой
я услышу, как в краю родном
пашет поле трактор одинокий,
словно мир весь держится на нём...

ВСПАШКА ЗЯБИ. ЗАКАТ

По жнивью борозда, как стрела на пределе
в натянутом луке долины.
Прольются глаза в направление цели,
откликнется клекот былинный.

Как будто уже за холмами крадётся
ордынская дикая воля!
И гарью запахнет, и кровью нальётся
закат над простуженным полем...

Озябнет душа от предчувствия встречи
с тревогой полей куликовых...
И сумрак вечерний ложится на плечи
печалью досель незнакомой.

И лишь самолёт, как глагол перспективы,
строкой обозначив приметы,
летит из заката стрелой реактивной
до самого сердца рассвета.

ПИЛА

Сияют зубья от развода!
Как будто плотные стоят,
лицом к лицу, солдаты взвода,
слегка откинувшись назад.

В них свет медальками сверкает
и сталь звенящая как зной,
истомным стоном истекает,
и остывает синевой.

Полно азартного томленья
в упругом теле полотна.
Дрожит, как девка в нетерпенье
и в руки просится она.

И обессиленной приляжет
в сенях на полку и вдогон
слегка протяжный и вальяжный
с пилы соскальзывает звон...

СЕНО

Пахучее, словно минута
пролилась в январь из июля.
Озвучено зноем и смутой,
как пчёлами вечером улей.

До стайки шагаешь тропую
и видится: жаркое поле!
Как будто несёшь над собою
навьильник высокого полдня...

К охапке пахучего света
потянется робко телёнок.
А куры журчат, будто летом
в траве заблудились зелёной...

ГОРОДСКАЯ ОКРАИНА

Воздух будто из жизни иной.
В зелень спутаны годы.
Предвечерние блики, что зной
загустевшего мёда.

Чья-то жизнь за оконным стеклом
промелькнёт, как в тумане.
Потемневший бревенчатый дом,
кроткий облик герани.

Не окликнут ведуний своих
приворотные сени.
И тоскует меж ставен резных
томный тенор сирени.

Заблудиться б среди тихих оград
и не ведать иного:
вновь ловить обещающий взгляд
в нежном мае былого.

Виктор Коврижных

Здесь печаль, как молитва светла,
и послушник заката
покрывает дерев купола
вечереющим златом...

Подступили вплотную, глядят
современные зданья.
Но ответный задумчивый взгляд
не найдёт пониманья...

КУДЕСНИКОВ ГРИША

А по улице нашей дома – теремки!
Мезонины, балконы, терраски!
Блещут солнцем на крышах резные коньки,
на наличниках – яркие краски!

В каждом доме: достаток, уют, чистота
и дворы в образцовом порядке.
В крепких прибранных стайках скотинка сыта
и прополоты вовремя грядки.

А Кудесников Гриша в избушке живёт.
День-деньской крутит музыку Гриша.
Лебеда во дворе, в огороде осот,
трын-трава на душе и на крыше.

Ах, позорит всю улицу гришин хором!
Ни стыда у владельца, ни страха.
Осуждают соседи, грозит исполком
покарать неразумного штрафом.

Ни семьи у него, ни забот, ни хлопот.
Заведёт радиолу и важный
на пороге сидит и про Мурку поёт,
и плюёт на зажиточных граждан.

Виктор Коврижных

И судьбою доволен... Беспечный чудак
всех бродячих собак привечает.
Ловит рыбку в реке, кормит рыбкой собак
и собаки его уважают...

Покосилась ограда, провис потолок,
бродит ветер по голой избёнке.
Под окошком у Гриши растёт тополёк,
как свеча перед тёмной иконкой...

А там у вас блистает высший свет!
Хранит Господь их помыслы, делишки.
А у меня, поди, и ангела-то нет,
лишь за окошком мокнет воробьишка.

Взъерошившись на зябком ветерке,
сидит себе на проводе в молчанье,
как серая слезинка на щеке
простуженной октябрьской печали.

Такая глушь!.. И нет дорог сюда
гостям высоким, баловням удачи.
И не сбежишь отсюда никуда,
когда душа томится здесь и плачет,

что вновь ползут седые холода,
и клонят в сон хозяйственные речи...
Такие здесь глубокие года,
что не дождёшься праздников и встречи...

В ДЕРЕВНЕ

На дне седого дня – газетный снег...
По расписанию автобусы и зимы.
Чтоб вычислить светил разумный бег –
достаточно тропы до магазина.

Предугадать высокий вещей свет
не мудрено в глуши и во столицах.
Тропе уже с лишком две тыщи лет
и никогда не поздно возвратиться

в народ, за горьким хлебом в холода...
Жизнь – оттиск реформаторского неба.
И если Он с небес сойдёт сюда,
то молча встанет в очередь за хлебом,

где жизнь вросла корнями – не содрать! –
в текучку дней, традиции, приметы,
что проще землю заново создать
по чертежам библейского Завета...

А снег летит с газетного листа,
и жизнь течёт по руслу объяснимо.
И ощущать присутствие Христа
полезней, чем Его увидеть зримо.

Когда я жил без имени, река
в заветный край сияющие воды
несла под струйный лепет тростника,
вдоль берегов откладывая годы.

Произрастали радость и печаль,
жизнь обретала стройный распорядок.
Но иногда таинственная даль
по вечерам притягивала взгляды.

Я помню плот, людей на берегу,
костёр и отсвет пламени на лицах...
Затем поля, уснувшие в снегу,
и колыбельный голос синей птицы.

Несла, несла река сквозь времена,
мой утлый плот течением качало.
Томилась в диких плавнях тишина
предчувствием заветного начала.

Всходили дни и гасли на земле,
но всё отчётливей и всё неотвратимей
сквозило в приближающейся мгле
грядущих дней отеческое имя...

РОЖДЕСТВО В СОВХОЗНОМ КОРОВНИКЕ

Силосом пропахшие загоны,
залит пол цементный молоком.
Скотники за литр самогона
продали казённый комбикорм.

Зябкий сумрак низменного вкуса.
И бурёнки из своих оград
скорбными глазами Иисуса
на происходящее глядят.

И сквозит за влажной поволокой
бездна со вселенскою тоской,
где себя узнаешь одиноким
у сугробов горести людской...

Пьяный гул застольный замирает.
И горит в окне за слоем льда
то ль фонарь над крышею сарая,
то ли Вифлеемская звезда.

Завтра будут пасмурные лица,
комбикорм на сторону уйдёт...
Ничего для счастья не случится,
и дурного не произойдёт.

Не ропщи, мой ангел, не печалься.
Без волшбы обыденный наш труд,
где волхвы районному начальству
о надоях сводки поднесут.

СТАРАЯ КУЗНИЦА

Копоть и сажа погасших огней.
Вход занавесил подрост тальниковый.
Не оседлать здесь воскресших коней –
ржой изошли стремена и подковы.

Звон наковальни полынью сокрыт,
зябко несёт из дверей пустотою.
Так просветлённой прохладой сквозит,
будто под кузней колодец с водою.

Льются протяжно сквозь щели лучи
цветом вечерней щемящей печали.
Словно наивного счастья ключи,
счастья которое не доковали.

Полуистлевшие спицы колёс,
мохом покрыты венцы и стропила.
Ветхую крышу прошила насквозь
жгучим дремучим побегом крапива...

В полночь под лай деревенских собак
скорбная тень кузнеца оживает.
Тяжко вздыхает и курит табак,
в горне остывшем золу разжигает.

Глухо меха проворчат и огни
вспыхнут на время и тут же погаснут.
Словно хотел озарить наши дни,
но убедился, что это напрасно...

ПРЕДЗИМЬЕ

А в деревне опять молодая зима
правит праздником, жизнью и волей.
Нынче колют свиней и встречает с холма
тёрпкий запах дымов и подворий.

Словно время моё покатилося назад
вдоль румяных домов и заплотов.
Под навесами лампы пальные гудят,
как заоблачный гул самолётов.

...Завалили свинью на приземистый стол,
дикий вопль заметался под крышей,
узкий нож безошибочно сердце нашёл,
дух с дымящимся лезвием вышел.

Дым палёной щетины синеет в щелях,
дышит инеем сумрак оконца.
Кровь очнётся и вспомнит себя в именах
озарённых языческим солнцем.

Гулко цепи звенят и скрипят ворота;
чует мясо собака утробой:
дрожь истомы – волной от ушей до хвоста,
и язык, словно пламя озноба!

Ритуально хозяин сдирает нагар –
точность рук и наследственный опыт.
Из распахнутой туши – клубящийся пар
и Велеса оттаявший ропот.

Шёпот жёлтых страниц – у хозяйки слова,
ей хозяин отвечает хмуро.
Смотрит в небо из снега свиныи голова
сквозь глаза деревянного Чура.

Тёмный смысл совпадает со всей суетой.
В доме жарко натоплена печка...
Вот и мясо на крючьях висит в кладовой
и янтарная желчь над крылечком.

Свежина на столе! Тёртой редьки куржак,
млеют грузди под шапкой сметаны.
В запотевшей бутылки мерцает первак
и гремят нетерпением стаканы!

За здоровье хозяев, достаток, уют,
чтобы рожь не сгубили морозы!..
И старинную песню по-русски споют,
утирая украдкою слёзы...

ЗНАМЕНИЕ

Бабка Лукониха видела бога.
Видела дважды – на зорьке и в полдень.
Бог продвигался вдоль Волчьего лога
весь осиянный и в белом исподнем.

С утра обошла всё село и селянам
гуторила новость про чудо святое:
– Гляжу: он идёт, нет, плывёт над поляной,
а над головою кольцо золотое...

И робко вздыхая, крестилась на гору.
Её утешали резонно старухи:
Знать, сыну Валерке амнистия скоро
иль будет от дочки письмо из Мозжухи...

Наверно, ей это приснилось. Поскольку
старуха – одна, да и бог в её сказе
был чем-то похожим на Климова Кольку,
что уголь привёз ей бесплатно на МАЗе.

ЛЁХА

И видом он здоров, и смотрит властно,
но так беспечно, безалаберно живёт,
как будто бы уверен наперёд,
что станет губернатором Кузбасса
иль ящик с бриллиантами найдёт.

Полдня за мной слонялся хмурой тенью –
просил займы на выпивку деньжат:
– Вот клад найду, вот как разбогатею,
верну долги с процентами назад...

К чему, наивный, эту мысль лелеет?
Ведь жизнь ему – назло и невпопад:
в Кузбассе губернатором Тулеев,
всё золото заложено в ломбард.

– Ну, ладно, Лёш, бери на разговенье.
Пусть Бог тебе попутчик и судья.
В глаза его взгляну, а в них – презренье
к моим обычным нормам бытия.

Виктор Коврижных

Небрежным жестом приоткроем двери,
лицо надменный вид приобретёт.
И я невольно начинаю верить,
что он сундук с брильянтами найдёт,
что вопреки тулеевскому гласу
он станет губернатором Кузбасса
и мне долги с процентами вернёт.

АНГЕЛ ТРУДА

Своего я отыскивал бога
вечерами за Лысой горой.
Уводила в туманы дорога,
будоража неясной тоской.

Мне мерещились вещие знаки,
чей-то голос спускался с высот.
Я за голосом крался во мраке
и записывал речи в блокнот.

Но однажды, когда я в пределах
этих шлялся, растаял туман.
И две женщины – в чёрном и белом –
привели, указали на кран.

Он стоял у карьерной дробильни
ни величья, ни Бога следа.
И я понял: его не любили
ни хозяин, ни ангел труда.

Виктор Коврижных

Рычаги его к сердцу приблизил,
но инструкциям всем вопреки,
пел зелёною дудкою дизель,
откликались в стреле огоньки.

И свистел производственный ветер,
вторя лязгу тросов и колёс.
– Есть здесь промысел горного света? –
не ответил никто на вопрос...

ОТЕЦ

«Райский сад рукотворен – отец говорил, –
мол, чтоб вырастить сад для улады,
поначалу лопату Господь сотворил,
а к лопате Адама изладил...»
Сад библейский взрастил и взлелеял Адам,
но приелась однажды лопата.
Замечтался Адам и прильнули к рукам
пулемёт Сатаны и граната...
Проступила дорога в дыму и огне.
Время нянчит сирот в колыбелях.
Ищет славы Адам на далёкой войне,
ищет Ева любви на панелях...

Заструился весенних проталин дымок,
обозначилась даль в перелесках.
Точит батька лопату, затем черенок
отшлифует наждачкой до блеска!
Он повертит лопату и – яркий павлин
просиял на мгновение вроде!
(Вот с такою лопатой электрик Ильин
клад нашёл у себя в огороде!)
Как дворянская спесь возвышает свой быт,
только вместо клинков и мушкетов,

у отца инвентарь под навесом висит
на стене благородным сюжетом.
Как торжественно батька идёт в огород!
Кропотливо над грядкой ворожит.
И возвышенный миг в его сердце поёт –
передать только музыка может!
Дышит светом, теплом и любовью весна,
бродит солнце в гряде огуречной.
Засевает отец овощей семена,
как разумное, доброе, вечное!
Вот и голос зелёный над грядкой завис –
так отзывчива пашня к заботе.
Скажет батька: к субботе созреет редис –
непреренно созреет к субботе!
Впрочем, что там редис, если сочный мажор
льют листвою заборы подворья!
В землю корни пустил, распустился забор
и кукушка поёт на заборе!..
Улыбается батька с лопатой у ног,
как прообраз начального века:
задышала земля, просиял черенок,
мысль по древу – судьбой человека...

У отца моего так настроен топор,
что услышится звон колоколен!

Что невольно возьмёшь да и срубишь собор
или дров на неделю наколешь!

Да, тот самый топор, что когда-то давно
прорубил в темноте ради света
во Европу окно... И полезли в окно
паровозы, бананы, ракеты...

Осерчает Отец, и топор над землёй
застит дали огнём и дымами.

А когда запоёт: «Хас-Булат удалой...» –
разродится топор теремами.

Всё же страшно оставить топор у ворот
беспризорным – душа не на месте.

Выйдет тёмная память из топких болот
и во мгле затаится окрестной.

Хвойный снег упадёт на тропу похорон,
льдом покроется мрамор улыбок.

Отразился закатный в реке небосклон,
онемела прозревшая рыба.

Всё в одном топоре: и исток, и конец.

Ничего просто так не бывает.

Свой топор, как судьбу, держит крепко отец
и в сарае на ключ запирает...

МАТЬ, или ПОВЕСТВОВАНИЕ О СЧАСТЬЕ

Просто речка текла,
просто верба цвела,
синевою томило отчасти...
Я сказал: хорошо!
И за счастьем пошёл –
не должно быть, чтоб не было счастья.
Огороды в деревне пахали,
у запруды собаки брехали,
и растенья росли вдоль реки
по Евангелию от Луки.

Я стучал в небеса
и несли голоса:
журавли и былинные пашни.
Был восторг юных дам,
был фурор и «Агдам»,
а на утро опять – день вчерашний...
Надоедливо и бестолково.
И в «гостинке» поэта Каткова
я смотрел по ночам в тупики
сквозь разбитые окна тоски...

Я в столичный журнал
«Календарь» свой послал –
отфутболил журналец московский.
Видно с Господом я не в родстве:
солнце всходит сначала в Москве,
а затем уж у нас, в Киселёвске...
Свет, любовь и душевные драмы
растворялись в хитах и рекламах.
Над столицей всходил, как завет,
предприимчивый менталитет.

Зашипела тропа, зазмеилась
и внезапно мне Мама приснилась:
у чужого окна
Мать стояла одна
и берёза над ней полыхала!..
Утираясь платком –
«Не найду я свой дом...» –
прямо в сердце мне Мама сказала...
Пахла юной полынью дорога.
«В мире родина только от Бога» –
так подумал, вернувшись домой.
Мать от счастья всплакнула: живой!..

Виктор Коврижных

Я крыльцо перестлал,
огородик вскопал,
починил водовозные сани.
Солнце в небо труда
поднималось всегда
из-за леса, по расписанью.
А затем над грядой огуречной
на берёзе приладил скворечник.
В огороде картофель взошёл.
И скворец мне сказал: «Хорошо!»

СКАЗАНИЕ О НАРОДНОМ СЧАСТЬЕ

Рубит новую баньку Савельев Андрей.
Рубит в «лапу» углы, как по нитке!
Так подгонит венцы – ни горбов, ни щелей
и, мерцая, лежат словно слитки!

Он ошкурит бревно и смолистый настой
зноем вызвенит связь поколений:
берендеевый полдень и свет золотой
деревянных столиц и селений.

Исполняет Завет топора да пилы!
Не работает будто – играет!
И топор его ловко разносит углы,
и впритирку пазы выбирает.

Ляжет комель к вершине, вершина к комлю,
свяжет плотно «замком» и шкантами.
Я, пожалуй, себе тоже баньку срублю,
полно душу морочить стихами!..

Выйдет Люба, жена, томно к срубам прильнёт
и подаст мужу квасу бидончик.

Виктор Коврижных

В каждом слове то лебедь, то солнце живёт,
то цветок полевой колокольчик.

И жене улыбнётся Савельев Андрей,
пот с лица рукавом утирая.
До чего же любовь возвышает людей,
быть красивыми повелевает!..

Он щепу соберёт и стаскает во двор –
будет печке растопка и пища!
И в холодную воду опустит топор,
чтоб остыл и окреп топорищем.

Неприметное счастье житейских основ:
сходит Люба с ведром за водою.
Приготовит на ужин сметаны, блинов
и корову Рябинку подоит...

2

Я однажды всплакнул, когда тихий покой
был пропитан сиреневым хмелем.
Показалось, что имя моё над рекой
голосами вечерними спели.

В синих сумерках тополь листвою отливал
полусвет, будто слово молитвы.
И поставленный сруб за окошком сиял,
словно маслом лампадным облитый.

И пришло ко мне счастье – любовью к земле,
где сирень в палисадах, скворечни,
деревянный мосток, роща в ласковой мгле
и смиренные избы вдоль речки.

Да столетний ранет над отцовским крыльцом,
да просторы небесного света!..
Ненаглядное, нежное с юным лицом
в лёгком платье зелёного лета.

То ли юность моя, то ли утро строки,
что меня вознесёт до бессмертья! –
Лёгкий ветер и свет просквозят вдоль реки
и затихнут вдали, и померкнут...

3

Улыбнётся земля и наступит рассвет
для народного счастья пригодный.
Вновь душою в хозяйственных буднях согрет,
и дышать так легко и свободно...

В сновиденья ушли рыбаки.
Ключ удачи в надёжном секрете.
Сокровенные думы реки
стерегут потаённые сети.

Колос года языческих слов
над соломенным зреет навесом.
Сочный месяц овечьих веков
серебрит над велесовым лесом.

Тихо взбучатся залежи вод,
сдвинув с места подводные глыбы,
потаённые сети порвёт
исполинское тело царь-рыбы.

И в легенды уйдёт, и в мечты...
Вспыхнет утро над жизнью оседлой.
Обывательский гонор тщеты
утолится застольной беседой;

словно здесь лишь, у тихих ракист,
в каждом слове довольно азарта,
что неволью на миг озарит
и навек позабудет внезапно...

МНЕ ПРИПОМНИЛОСЬ...

Мне припомнилось: дом в полудрёме,
палисадник притихших цветов,
я несу тебе ветки черёмух,
наворованные из садов.

Ты навстречу букету и вечеру
на скрипучее выйдешь крыльцо.
И насмешливо, недоверчиво
в моё алое глянешь лицо.

Взяв черёмуху и, как обычно,
будешь долго молчать, а затем
ты мне скажешь, что красть не прилично,
и что я ещё глупый совсем.

Ухватив торопливо за локоть,
обжигая, кружа и пьяня,
поцелуешь и вьющийся локон,
словно током ужалит меня.

Виктор Коврижных

И счастливый, мечтами расцвеченный,
возвращаюсь в хмельном кураже!
Шёл, не зная, что ты этим вечером
уезжала с другим на «Иже».

А потом, на букреевском пляже
мой приятель, Валерка Петров
обозвал тебя девкой гулящей,
и я дрался с ним долго и в кровь.

А потом... А потом было холодно,
свадьба громко плескалась в окне...
Ты с любимым уехала в Вологду, —
вот и всё, что припомнилось мне...

АВЕ МАРИЯ

В этом доме когда-то я в детстве бывал.
Там картина над спинкой дивана,
в тёмных плюшевых шторах изысканный зал,
в зале – книги и фортепиано.

Там сирень ароматом дышала в окно.
Был тот мир мне совсем незнакомым.
Мне казалось, там люди пришли из кино
вместе с садом, сиренью и домом.

Там вечерней порой пили чай при свечах,
под нерусские песни с пластинки.
Говорили о Шуберте и флюгерах,
о строительстве и Метерлинке.

Там красивая женщина, как её звать –
я не помню... Лишь помню, как мило
улыбаясь, давала мне книги читать
и со мною на Вы говорила.

И на фортепиано играла она!..
Колыхались на клавишах руки.
Рассыпалась на тысячи звёзд тишина,
звёздам плакались нежные звуки...

Виктор Коврижных

Мне казалось я сплю и летаю во сне,
сердце сладкой сводило истомой...
«Это «Аве Мария» ответили мне
благородные жители дома.

В этот дом я когда-то, как в храм приходил,
за дверьми оставляя ботинки.
И я женщину эту наивно любил
вместе с Шубертом и Метерлинком.

Эти звуки и свечи, мерцанье огней
в моём сердце так странно плескалось.
И что было высокого в жизни моей
с этой музыкой соприкасалось.

Они вскоре уехали строить мосты
на Восток. В дом вселились другие.
И я долго пытался в них видеть черты
от неведомой Аве Марии...

ЯЗЫЧНИК

Живёт в селе. Пасёт коров.
Травую лечит.
И заговаривает кровь
невнятной речью.

Пошепчет, пальцем проведёт –
уйдут болезни!
Благодарит его народ:
колдун полезный.

...Была гроза. Посыпал град.
Струхнул немного.
Ударил молнии разряд
перед ним в дорогу.

То ль происк неких тёмных сил,
то ль дух небесный? –
Вознёс и плавно опустил
на новом месте.

Пришёл в себя он: жив, здоров,
а за спиною –

всё стадо в семьдесят голов,
хвосты – трубою!

И рядом конь его – живой!
Нисколь не битый,
тряс беспокойно головой
и ржал сердито.

И даже верный старый пёс
(без родословной)
скулил и в травы прятал нос,
боялся словно.

Куда его забросил рок,
в края какие? –
Глухие дали и лесок,
луга глухие.

Обшарил взглядом окоём,
вздыхнул с досадой.
На дальний холм с березняком
направил стадо.

Затем на следующий холм
брели с надеждой...

Чёремуховый спас

Сгустились сумерки в глухом
краю нездешнем.

Остановились близ кустов
на ночевую.
Он молоко сдоил с коров
в траву сырую.

Устала сдаивать рука,
а в сердце стужа –
дымилась лужа молока,
как белый ужас.

Вздохнула в сумерках гроза,
и в травах белых
ослепший смысл искал глаза
в иных пределах.

И снова в путь, лишь рассвело...
И за горою
внезапно вышли на село,
село чужое.

Спросил у жителей села
координаты.

В соседней области была
родная хата.

И побледнел пастух, как снег,
узнав, что брошен
в далёкий край, назад в четверг
недели прошлой.

«Спасибо, что не в глубь веков», –
так отозвались.

И подоить его коров
не отказались.

«Ступай, – сказали, – на восток.
Дойдешь в неделю».
Еды насыпали в мешок
и дали денег.

И снова стадо мирно шло
к желанной цели...
Вернулись странники в село
спустя неделю.

Родные избы вдоль реки
и палисады!

Как паровозные гудки
взревело стадо!

Он шёл и плакал вдоль дворов
от умиленья.
Хозяйки встретили коров
без удивленья.

Никто – где был?– не спросил.
Казалось, будто
своё он стадо проводил
сегодня утром!..

Он взор свой к небу обращал –
поведать знаний.
Но Тот, Кто ведал, иль молчал,
иль делом занят.

Потом за Лысою горой
смотрел на поле,
где правит автором герой
помимо воли.

2

На выпасах, у Диких скал,
в краю озёрном
обломок дерева торчал
сухой и чёрный.

Сражённный молнией шальной –
сосны огромной –
застыл обломок тишиной
судьбы и грома...

Стоял пастух и прозревал
пред чёрной скорбью.
Затем из древа вырубал
своё подобье.

Он топором лицо исторг
и торс корявый.
Упали сумерки в простор
и смолкли травы.

Нераспустившихся цветов
глаза открылись.
Костры языческих веков
словам приснились.

Вздохнул тревожно тёмный лес
и снова замер.
Взглянул на идола Велес
цветов глазами.

Потух лицом пастух. Потом
исчадью ночи
помазал губы молоком
и кровью – очи.

Окликнул зычно мрак земли
и гор отроги –
людские страхи приползли
и их пороки.

Столпилась нечисть темноты:
с клыками рожи,
лоснились шеи и хвосты
змеиной кожей.

Полудницы, нетопыри,
хмыри клоаки,
фантомы, ведьмы, упыри
и вурдалаки.

Виктор Коврижных

Со смрадным запахом густым,
с лицом поганым
склонилося навье перед ним
и истуканом.

Повёл очами истукан
и дланью чёрной.
Молочный плотный пал туман
на край озёрный.

«Карай!» – вскричал пастух. Приказ
исполнил идол.
Метнулись молнии из глаз,
огнём болидов!

Слились в одно: и страх, и гнев,
и вой уродов!
Листва посыпалась с дерев
и встали воды.

Сгорело навье – прах и дым!..
Под лязг железный
пред истуканом грозовым
разверзлась бездна.

И камнем канул идол в ней!..
Земля сомкнулась.
В лесу заплакал соловей,
вода очнулась.

Роса упала. У цветов
закрылись очи.
Туман струился вдоль кустов
рекой молочной...

Взял под уздцы пастух коня,
траву колыша,
перелистнул страницу дня
и к людям вышел.

3

...в переплетениях ветвей,
лучей и свиста
томился зноем соловей
в укромных листьях.

И аромата ореол
млел над сиренью.
В церквушку местную побрёл
пастух смиренный.

Виктор Коврижных

Смотрел на мир, вдыхая зной,
он с чувством новым.
Былое стлалось за спиной
Начальным словом.

Над головою пел и цвёл
высокий полдень.
И грешный автор следом брёл,
сомнений полный.

А миром правил ясный день,
смеялось солнце!
Плыла на облаке бабень,
луца подсолнух...

ЗАБРОШЕННЫЕ ИЗБЫ

Заросло, опустело, поблёлкло,
Голоса заблудились вдали.
Горбылём заколочены окна,
Чтобы в душу смотреть не могли.

От досужих уйдя разговоров,
Утомлённый неясной виной,
Снова молча пройду вдоль заборов –
Чьи-то тени плетутся за мной.

И под взглядом людской укоризны
К невозвратной реке давних дней
Поведу за собой эти избы,
Как ослепших шахтовых коней².

2 Примечание: когда отработавших в угольных забоях свой срок шахтовых коней подымали «на гора», то они слепли при дневном свете.

Приболела старушка: одышка,
ломит грудь. Видно, срок помирать.
И пока не окликнул Всевышний,
коровёнку решила продать.
На рога нацепила верёвку,
и на рынок с утра побрели.
Через час примостились неловко
у железной ограды в пыли.
Простояли полдня – бесполезно!
Поубавился шум суеты.
Коровёнка меж прутьев железных
обглодала сирени кусты.
Наконец-то, остановился
мужичок. Проявил интерес.
Не торгуясь, с ценой согласился
и уже за деньгами полез.
– Что ж, милоч, не спросил про корову?
Сколь даёт? И которым телком?..
– А зачем? – усмехнулся сурово, –
Не доить, чай, на мясо берём...
– Что ты! – вскрикнула, сердцем немея, –
Разве можно такую под нож?
Обняла коровёнку за шею –
Ты её у меня не возьмёшь!..

А корова как будто бы знала,
понимала душою немой,
вдруг рванулась из рук, побежала,
со всех ног побежала домой!..
Ничего, вроде, нету такого,
но пошёл с той поры пятый год:
коровёнка жива и здорова,
и старуха здоровой живёт...

ИЛЮХИНСКИЙ ПЛЁС

Старые ивы сомкнули
кроны над тихой водой.
Здесь мне в начале июля
встретился мальчик с удой

В длинной рубахе холщовой
шёл он по краю реки,
странный, как житель чащобы,
стыли в глазах сквозняки.

Он поравнялся со мною,
жалобный выронив стон.
За тальниковой стеною
дымкой рассеялся он...

Давнюю повесть утраты
слышал ещё от отца,
как утонули два брата,
дети Ильи-кузнеца.

В майскою пору разлива,
лет девяносто назад
младший сорвался с обрыва,
старший спасал его брат.

Не возвратились в дом дети...
До полуночной поры
шарили в омутах сети,
дно бороздили багры.

Младший был выловлен в пойме
в донных кустах ивняка.
Старший – не найден, не пойман, –
спрятала тело река.

Он это! Он с удилицем
ходит по краю реки!..
Младшего братика ищет –
так говорят старики.

Давняя грустная повесть,
тихий Илюхинский плёс.
Травы склонённые в пояс,
всхлипы тележных колёс.

Ивы зелёное пламя,
купола зябкая медь...
Родина, как в твою память
сладко и больно смотреть...

Виктор Коврижных

ГРОЗА

Затаился мир окрестный –
гонит, громом грохоча,
стадо туч пастух небесный,
блещут молнии бича!

Холодок внезапный ветра,
шелест вздрогнувших кустов.
Колосок последний света
втоптан в слякоть облаков.

На мгновенье пряный запах
проструил зелёный зной.
И на дольний мир внезапно
дождь обрушился стеной!

Всё смешалось в мире оном:
шум воды до облаков,
луж кипенье и по склонам
бег беспечных ручейков.

Будто он ниспослан свыше
к вящей радости земли!
Стекла окон, шифер крыши
голоса приобрели.

Понеслась шальная радость
до чумазных городов,
пыль смывая и усталость
от хозяйственных трудов.

Преисполненной восторга,
словно в ливень влюблена,
грудью вытянулась шторка
из открытого окна!

Источив с шипящим гулом
электрический озон,
грозно молния сверкнула,
разрывая небосклон.

И раскат протяжный грома
гулко рыкнул из-за туч,
будто камень вниз огромный
покатил с незримых круч!

Новизна шумит в долинах,
словно время, жизнь и труд
не продлятся после ливня,
а по новой жить начнут.

Виктор Коврижных

Вроде, ливень обессилел.
И сквозь дыры в облаках
засквозило небо синью
в сочных солнечных лучах!..

Шла гроза в иные выси,
править славные дела.
На цветастом коромысле
ведра ливня понесла.

Благодать земле и рекам
снисходила свысока...
Слава Богу, человекам
неподвластная пока.

– Врешь ты всё, поэт Коврижных!
Дождь прогнал московский вождь!
– То – Москва, там дождь унижен,
а у нас – свободный дождь!

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Прояснились небесные глаза,
раскинулась дуга над водоёмом.
Брела на север медленно гроза,
окрестности облаивая громом.

Дымился под лучами чернозём,
ручьи бросались весело с обрыва.
И наливалась жгучим кипятком
на пустыре воспрявшая крапива.

Закопошились куры в лопухах,
томился запах сена под навесом.
И, не успев обсохнуть, на глазах
ржавело возле кузницы железо.

Кипела в палисаднике сирень
и, затаив дыхание, Природа
глядела на умытый ясный день,
как на младенца после трудных родов.

СТАРОБАЧАТЫ

Всё перестроили в русском краю.
Только не трожьте деревню мою.

Тихие улочки старых Бачат,
ветры степные полыню горчат.

В купах черёмухи и тальника
белую лебедь качает река.

Щука с Емелей и Чёрт с Водяным
мирно живут за окошком моим.

Звоны и ягоды в травах лесных
вспомнят заглавия сказок былых.

Яви и вымысла зыбкая грань.
Здравствуй, лесная моя глухомань!

Милая родина, вечности птах,
здесь лишь воскресну листвой на кустах!

Тешьтесь вы – Господи! – в вашем раю!..
Только не трожьте деревню мою.

Чёремуховый спас

Не растопчите надменной стопой
кроткий колодец с воскресной водой...

Белая лебедь томится во мгле.
Трудно не петь мне на этой земле...

Виктор Коврижных

ТАМ, В НАРОДНОЙ ГЛУШИ...

Подпоясаны дни то вожжой, то тесьмой.
Живы хлебом и небом разлук.
Деревянными буквами пишут письмо
В министерство почётных наук:
Как построить за баней Егора сельмаг,
Институт благородных колёс,
Чтоб прислали на почту казённых бумаг,
Чтоб земную помазали ось.
Дескать, время скрипит будто ржавый засов
Отстаёт от метро и ракет. –
Длится день двадцать семь с половиной часов,
Ночь? – единого мнения нет.

Непонятного свойства часы и труды.
То ль ночуют кудесники тут? –
На неделе семь пятниц, четыре среды,
Дни другие – в сарае живут.
Из дремучих подворий, бурьянов глухих
Бесполезный айфон голосит.
И колхозное знамя побед трудовых
Над избой комбайнёра висит...

Там за Лысой горой – царство вечных болот,
Где по воле небесных огней
Истребительских войск утонул самолёт
И поэт евразийских кровей.

А за взгорком – простор! Свет как счастье высок,
В синеве соловейки полёт.
Берендеевым солнцем пронизан лесок,
И душа пасторали поёт!
Выйдет в поле старик, ветхой жизни жилец
И взглянется в сияющий зной.
Так глядит далеко, словно видит дворец,
Где Господь проживает с семьёй.
В остальном, как и всюду: изба, огород
И следы заплутавших колёс.
На кривое крыльцо выйдет в валенках кот,
Спросит вежливо: – Рыбу принёс?
Голосистый петух известит в лопухах
Об итогах хозяйских забот.
Электронное время придёт в сапогах,
Постоит... И обратно уйдёт.

Там, в народной глуши бродит хмелем трава,
Облака серебрятся вдали.

Виктор Коврижных

Там для песни полезной сыскали слова,
только музыку к ним не нашли.
Там закатных коней стерегут до сих пор
На зелёном в ромашках лугу...
Я б срубил там избу или даже собор,
Да топор подобрать не могу...

СОДЕРЖАНИЕ

В СЕНТИМЕНТАЛЬНЫХ СУМЕРКАХ СИРЕНИ

«Живу в селе неторопливо...»	11
Вторник. Четвёртое июля	12
Летний вечер	13
Цветёт черёмуха	14
Свет в ночи	15
Детское счастье	16
«Тёмная комната. Топится печь...»	17
«Овраги за оградой и тальник...»	18
Живу на родине...	19
Семнадцатое лето	20
«Не стесняюсь стать сентиментальным...»	22
«Золотые блики, словно слитки...»	23
«Снова юность моя пасторальная...»	24
Сентиментальная история	25
«Возьмусь-ка за великие дела!...»	26
Он	27
«Заклубятся былого туманы...»	29
Зелёная дудка	31
Последняя тайна	33
В заброшенном хуторе	35
Сентиментальная музыка	36

Читал мне юноша...	37
«– Ты видишь Бога, говорят...»	38
Нравственный человек	39
Сельский лирик	40
Однажды...	42
Смерть пастуха	43
«За будничным дежурным разговором...»	45
О сокровенном, одиноком...	46
Дожди осенние...	47
«– О чём стихи твои? – Не понимаем...»	48
«Тихо вздрогнуть от шорохов дня...»	49
Деревня токовая (триптих)	
«Тихое бревенчатое счастье...»	50
В Токовой...	53
«По Токовинской дороге...»	56
Сенокос	58
Пришествие	63
Позднее тепло	65
В осеннем лесу	66

ТАМ, В НАРОДНОЙ ГЛУШИ...

Происхождение государства	69
Поэт	72
Старуха	73
Одиночество	74
Как зябко мне сегодня...	75
Сокровенность	76
«Не надо чувству мыслящему слов...»	77
В сумерках слова	78
«Не всем по плечу безымянная слава...»	79
«Захлебнутся последние битвы...»	80
«Никого не ищи, не зови...»	81
Ночь Гоголя	82
Генерал	83
Протяжка гаек	85
Рабочее утро	87
Вроде бы сонет...	88
Разгрузка шпал	89
«Кран доверили мне заводчане!...»	94
Как работал я с магнитною плитой, лучик солнца падал в строчки запятой	95
На кране	97
«Милый друг, однако, постарел ты...»	98
Напарник	99

Мёртвый груз	101
«Всё про кран и про кран... – Надоело!..»	102
Берёзы на отвале угольного разреза	103
По самому краю!..	104
В тени величия труда...	106
Польнь покаянная...	108
Одинокий трактор	110
Вспашка зяби. Закат	112
Пила	113
Сено	114
Городская окраина	115
Кудесников Гриша	117
«А там у вас блистает высший свет!..»	119
В деревне	120
«Когда я жил без имени, река...»	121
Рождество в совхозном коровнике	122
Старая кузница	124
Предзимье	126
Знамение	128
Лёха	129
Ангел труда	131
Отец	133
Мать, или Повествование о счастье	136
Сказание о народном счастье	139
«В сновиденья ушли рыбаки...»	142

Мне припомнилось...	143
Аве Мария	145
Язычник	147
Заброшенные избы	157
«Приболела старушка: одышка...»	158
Илюхинский плёс	160
Гроза	162
После грозы	165
Старобачаты	166
Там, в народной глуши...	168

12+ (письмо)

ВИКТОР КОВРИЖНЫХ

ЧЕРЁМУХОВЫЙ СПАС

Для оформления книги использованы
рисунки Галины Вербицкой

Редактор: Михаил Стрельцов

Верстка: Сергей Рубаненко

Подписано в печать 11.03.13. Формат 60x84 1/32.

Усл. печ. л. 5,5. Тираж 250 экз. Заказ 08-098

Отпечатано в типографии ИП Азарова Н.Н.

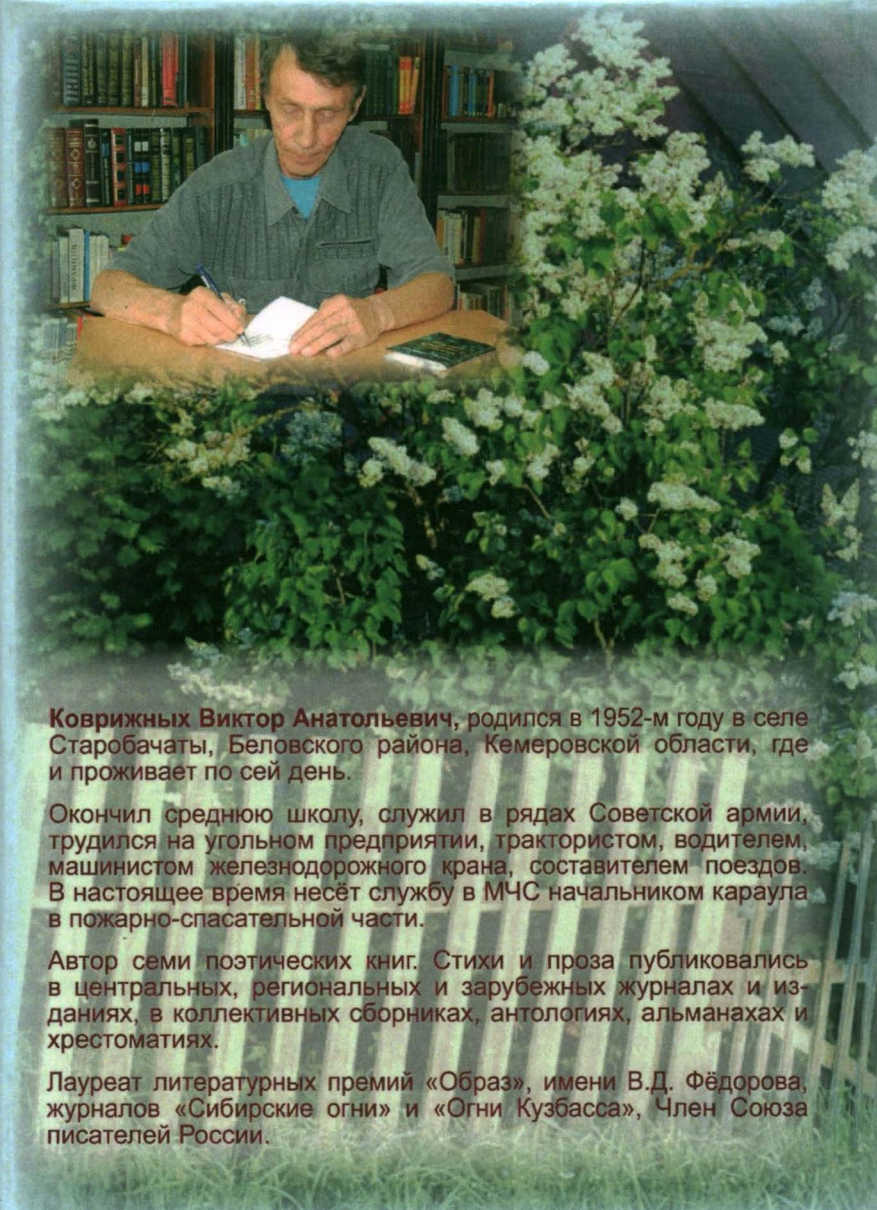
(«ЛИТЕРА-принт»),

Красноярск, ул. Гладкова, 6,

т. 8-902-924-15-77

50

50 руб. = цена
кол.

Коврижных Виктор Анатольевич, родился в 1952-м году в селе Старобачаты, Беловского района, Кемеровской области, где и проживает по сей день.

Окончил среднюю школу, служил в рядах Советской армии, трудился на угольном предприятии, трактористом, водителем, машинистом железнодорожного крана, составителем поездов. В настоящее время несёт службу в МЧС начальником караула в пожарно-спасательной части.

Автор семи поэтических книг. Стихи и проза публиковались в центральных, региональных и зарубежных журналах и изданиях, в коллективных сборниках, антологиях, альманахах и хрестоматиях.

Лауреат литературных премий «Образ», имени В.Д. Фёдорова, журналов «Сибирские огни» и «Огни Кузбасса», Член Союза писателей России.